ДЕЛИЯ
ОУЭНС
Там, где раки поют
РОМАН

Делия Оуэнс
Там, где раки поют

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48882939
Там, где раки поют: Фантом Пресс; Москва; 2019
ISBN 978-5-86471-836-0

Аннотация

В течение многих лет слухи о Болотной Девчонке будоражили Баркли-Коув, тихий городок на побережье Северной Каролины. И когда в конце 1969-го нашли тело Чеза, местного плейбоя, жители городка сразу же заподозрили Киа Кларк – девушку, что отшельницей обитала на болотах с раннего детства. Чувствительная и умная Киа и в самом деле называет своим домом болото, а друзьями – болотных птиц, рыб, зверей. Но когда наступает пора взросления, Киа открывает для себя совсем иную сторону жизни, в ней просыпается желание любить и быть любимой. И Киа с радостью погружается в этот неведомый новый мир – пока не происходит немыслимое. Роман знаменитого биолога Делии Оуэнс – настоящая ода природе, нежная история о взрослении, роман об одиночестве, о связи людей, о том, нужны ли люди вообще друг другу, и в то же время это темная, загадочная история с убийством, которое то ли было, то ли нет.

Содержание

Часть I 7
Пролог 7
1 9
2 18
3 31
4 36
5 48
6 53
7 66
8 77
9 82
10 92
11 94
12 99
13 109
Конец ознакомительного фрагмента. 113

Делия Оуэнс
Там, где раки поют

Where the CraWdads sing by delia OWens
Copyright © 2018 by delia Owens

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения владельца авторских прав.

Эта книга публикуется по договоренности с g. P Putnam's sons, импринтом Penguin Publishing group подразделения Penguin random house llC.

© Марина Извекова, перевод, 2019
© Андрей Бондаренко, оформление, 2019
© "Фантом Пресс", издание, 2019

* * *

Посвящается
Аманде, Маргарет и Барбаре

Не повстречала бы вас –
Не знала бы вас.
Я вас повстречала,
Узнала я вас
И полюбила –
Навек.

БАРКЛИ-КОУВ
ЦВЕТНОЙ КВАРТАЛ
ПОЖАРНАЯ ВЫШКА
ЛАВКА СКОКА
ЛАЧУГА-ЧИТАЛЬНЯ
ПОЙНТ-БИЧ
ХИЖИНА КИА
N
W
E
S

Часть I
Болото

Пролог
1969

Прибрежное болото – совсем не то что лесное. Прибрежное болото – обитель света, здесь травы поднимаются прямо из воды, а вода сливается с небом. Здесь вьются медлительные ручейки, несут с собою к морю осколки солнца, и взлетают голенастые цапли – с неуклюжей грацией, будто не созданы они для полета – под клики тысяч белых гусей.

И то тут, то там среди прибрежных болот попадаются островки влажного леса, с настоящими лесными топями. Вода в них темная, стоячая, хоронит свет в своей илистой утробе. Здесь даже дождевые черви и те существа дневные. Лесную топь не назовешь немой, но по сравнению с прибрежным болотом здесь тишина, ибо распад – дело неспешное и бесшумное. Живое разлагается, источая смрад, и перегноем растворяется в черной глубине, где из смерти вновь рождается жизнь.

Утром 30 октября 1969 года в лесном болоте лежало тело Чеза Эндрюса, и трясина готовилась поглотить его молча,

привычно, спрятать навек. Болото знает о смерти все; смерть здесь – далеко не всегда трагедия и уж тем более не грех. Но в то утро двое местных мальчишек прикатили на велосипедах к заброшенной пожарной вышке, стали взбираться наверх и с третьего пролета приметили его джинсовую куртку.

1
Ма
1952

Утреннее солнце жарило по-августовски, и сырое дыхание болот окутало дымкой дубы и сосны. Пальмовые рощицы стояли непривычно тихие, лишь цапля нет-нет да и вспорхнет с лагуны, медленно, почти бесшумно взмахивая крыльями. И тут Киа – ей было тогда всего шесть лет – услыхала, как хлопнула сетчатая дверь. Она только что выскребла из чугунка остатки кукурузной каши и, встав на табурет, опустила чугунок в таз с мыльной водой. И опять тишина, слышно лишь ее дыхание. Кто это вышел из хижины? Точно не Ма, она дверью никогда не хлопает.

Но когда Киа выбежала на веранду, то увидела, как Ма шагает по песчаной тропинке, в длинной коричневой юбке в складку, в тупоносых туфлях на каблуке, под крокодиловую кожу, – это у нее единственная выходная пара. Киа хотела окликнуть ее, но побоялась разбудить Па и, открыв дверь, молча вышла на кирпичное крыльцо, обшитое досками. И увидела в руках у Ма синий чемоданчик. Киа по-щенячьи верила, что Ма непременно вернется со свертком, поблескивающим от жира, а внутри – мясо или курица с головой на тонкой шее. Но прежде Ма никогда не уходила в кро-

кодиловых туфлях и чемодан никогда с собой не брала.

Там, где тропинка сходится с большой дорогой, Ма всегда оборачивалась – вскинет руку на прощанье, и вперед, по грунтовке, что вела заболоченными лесами, камышовыми берегами в город, – если грунтовку не затопит приливом. Но в тот день она не оглянулась, а двинулась дальше, спотыкаясь о кочки. Среди листвы был виден ее стройный силуэт, потом – лишь белая косынка. Киа метнулась на прогалину, откуда хорошо проглядывалась дорога, – наверняка Ма помашет; но поздно – мелькнул за деревьями синий чемодан, такой неуместный в лесу, и пропал. Сердце налилось тяжестью, вязкой, как болотная жижа, и Киа, вернувшись на крыльцо, стала ждать.

Детей в семье было пятеро, и Киа, младшая, не помнила, сколько лет старшим братьям и сестрам. Жили они с отцом и матерью – ютились, словно кролики в загоне, в грубо сколоченной хижине под дубами, с крыльцом, затянутым проволочной сеткой.

Вышел из дома Джоди – младший из братьев, но все-таки старше Киа на целых семь лет, – встал у нее за спиной. Был он кареглазый и чернявый, как и она; это он научил ее узнавать птиц по голосам, различать на небе созвездия, править лодкой в зарослях меч-травы.

– Ма вернется, – заверил он.

– Не знаю. Она туфли надела крокодиловые.

– Мать детенышей не бросает. Не бывает такого.

– Ты же рассказывал, как лиса бросила лисят.

– Да, но у нее лапа была разодрана. Она бы не прокормила себя и лисят – померли бы все с голоду. Лучше их бросить, дождаться, пока лапа заживет, а потом новых родить и вырастить. А Ма-то с голоду не умирает, вернется она, – утешал сестру Джоди, хоть и не был уверен.

Сглотнув, Киа прошептала:

– Но у Ма был синий чемодан – видно, далеко собралась.

* * *

Хижина пряталась за пальмовыми рощами, что тянулись вдоль песчаной низины до зеленой цепочки лагун и до дальних прибрежных болот. На мили кругом раскинулись заросли императы, травы столь выносливой, что и соленая вода ей нипочем, да торчали деревья, примятые в одну сторону ветрами. С трех сторон хижину окружал дубняк, а в глубине его притаилась ближняя лагуна, где кишмя кишела живность.

Земли здесь захватывали точно так же, как и четыре века назад. Разрозненные участки в пойме не оформляли официально, их присваивали (в естественных границах – до ручья, до засохшего дуба) всякого рода отверженные. Шалаш из пальмовых листьев посреди болота возьмется строить лишь беглец или конченый человек.

Прибрежные болота защищала изрезанная береговая линия, печально известная у мореплавателей как “кладбище

Атлантики": здесь, на побережье будущей Северной Каролины, подводные течения, свирепые штормы и отмели рвали на части суда, точно бумажные кораблики. В журнале одного моряка есть запись: *"…шли на шлюпке вдоль берега… но не увидели ни одной бухты… Нас застиг жестокий шторм… пришлось уйти обратно в море, спасая себя и судно, и нас подхватило быстрое течение… Земля здесь… в основном болота, и мы вернулись на корабль… Разочарование для тех, кто вздумает поселиться в здешних местах"*.

Те, кто искал плодородные земли, двинулись дальше, а злосчастные болота, словно сеть, улавливали всякий сброд – мятежных матросов, бродяг, должников, дезертиров и прочих, кому не по нутру законы или налоги. Из тех, кого не убила малярия и не засосало болото, выросло пестрое, разноязыкое племя лесорубов – каждый мог в одиночку свалить топором небольшую рощу, много миль подряд преследовать оленя. Как водяные крысы, занимали они каждый свою территорию, но тому, кто не впишется в здешнее общество, грозило в один прекрасный день сгинуть в болоте. Спустя двести лет прибились к ним беглые невольники, по-здешнему мароны, и освобожденные рабы – нищие, измученные, неприкаянные.[1]

Край этот суров, но не скуден. И на земле и в воде ки-

[1] От французского *les Marrons*, дикари, – беглые черные рабы и их потомки смешанного происхождения, на протяжении веков ведущие полукочевой и практически независимый образ жизни вдали от центров европейской колонизации. – *Здесь и далее примеч. перев.*

шит живность – юркие песчаные крабы, неповоротливые раки, водная дичь, рыба, креветки, устрицы, упитанные олени, жирные гуси. Тот, кому не в тягость самому промышлять ужин, с голоду здесь не умрет.

Шел 1952-й год, и часть здешних земель уже четыре века занимали случайные люди без роду без племени. Большинство осели здесь еще до Гражданской войны. Кое-кто пришел не так давно, в основном после двух мировых войн, без гроша в кармане и без надежд на будущее. Болото их не ломало, а обтесывало и, как всякая священная земля, надежно хранило их тайны. Ну и пусть земля эта, кроме них, никому не нужна. Болото есть болото, что с него взять?

Втихаря, как нелегальный виски, проносили сюда поселенцы и свои законы – не те, что высечены на камне или написаны пером, а глубинные, заложенные в человеческом естестве. Изначальные, природные, как у голубей и ястребов. В жизненном тупике, отчаянии или одиночестве человек возвращается к инстинктам, нацеленным на выживание, – суровым и справедливым. Это всегдашние козыри, и по наследству они передаются чаще, чем более спокойные гены. И дело тут не в этике, а в чистой математике. Между собой и голуби дерутся не реже ястребов.

* * *

Ма в тот день не вернулась. Вопросов никто не задавал,

а Па и подавно – лишь громыхал крышками от кастрюль, и несло от него рыбой и дешевым пойлом.

– Что на ужин?

Братья и сестры, отводя взгляды, пожимали плечами. Па выругался и, прихрамывая, поплелся вон из дома, в лес. Они с Ма порой ссорились, раз-другой Ма даже уходила, но неизменно возвращалась и обнимала всякого, кто подвернется под руку.

Старшие сестры приготовили ужин – красную фасоль и кукурузные лепешки, – но за стол, как при Ма, никто не сел. Каждый зачерпнул из чугунка фасоли, плюхнул сверху на лепешку, и разбрелись по углам – кто к себе на матрас, кто на потертый диван.

Киа кусок не шел в горло. Сидя на крыльце, смотрела она на дорогу. Высокая для своих лет, худющая, дочерна загорелая, волосы как вороново крыло, густые, прямые.

Темнота согнала ее с поста. Расквакались лягушки, заглушая все звуки, и Киа ушла на веранду, улеглась на матрас и оттуда все равно прислушивалась. А ведь еще утром ее разбудило скворчанье бекона на чугунной сковороде и аромат сдобы из печи. Натянув штаны на лямках, Киа бросилась в кухню – расставлять тарелки, выбирать из кукурузной крупы долгоносиков. Ма по утрам всегда ее обнимала, встречала улыбкой: “С добрым утром, девочка моя дорогая!” – и вдвоем они порхали по кухне, хлопоча по хозяйству. Иногда Ма напевала старинные песни, вспоминала потешки: *“Один по-*

росенок пошел в магазин…" Или, схватив Киа в охапку, кружила с ней в танце, топая по фанерному полу, покуда у приемника не сядут батарейки, – звук тогда делался глухим, как из бочки. А иногда Ма вдруг затевала взрослые разговоры – Киа мало что понимала, но чуяла, Ма нужно выговориться, и впитывала каждое слово, подбрасывая в печь поленья. И согласно кивала.

Затем начиналась суета – всех надо поднять, накормить. Па вечно где-то пропадает. У него две крайности – или молчит, или орет, а золотой середины не знает, так что даже к лучшему, если он проспит или вовсе не ночует дома.

Но в то утро Ма ходила притихшая, неулыбчивая, с заплаканными глазами. Белую косынку она повязала низко на лбу, по-пиратски, и все равно был виден желто-лиловый кровоподтек. Едва покончив с завтраком, бросив немытую посуду, она уложила в дорожный чемодан кое-какие пожитки и вышла из дому.

* * *

Наутро Киа вновь дежурила на крыльце, буравя темными глазами чащу, будто ждала, когда из туннеля покажется поезд. По болоту стелился туман, почти касаясь воды мягким брюхом. Киа шевелила пальцами босых ног, дразнила былинкой муравьиных львов, но шестилетке долго на месте не усидеть, и вскоре она уже шлепала по грязи на прибреж-

ной отмели. Устроившись на корточках у кромки прозрачной воды, она наблюдала, как шныряет из света в тень рыбья мелюзга.

Вскоре ее окликнул из пальмовой рощицы Джоди. Киа обернулась – есть новости? Но когда он помахал ей из-за шипастых пальмовых листьев – небрежно, вяло, – она поняла: Ма не вернулась.

– Будешь играть в экспедицию? – спросил он.

– Ты же говорил, что уже большой.

– Не-а. Мало ли что я там говорил! В экспедицию играть завсегда готов! Погнали!

И они помчались по отмели, а оттуда – сквозь лес к океану. Киа завизжала, когда Джоди вырвался вперед, и смеялась всю дорогу до дуба-великана, раскинувшего ветви, словно гигантские ручищи, над песчаным пляжем. Когда-то Джоди и их старший брат Мэрф приколотили к ветвям пару досок – вышла дозорная вышка, а заодно крепость. Теперь помост прохудился, доски болтались на ржавых гвоздях.

Раньше Киа принимали в игру разве что рабыней – таскать братьям прямо с противня теплое мамино печенье. Но в этот раз Джоди распорядился:

– Будешь капитаном.

Киа отсалютовала.

– Гони испанцев!

И они бросились сквозь ежевичник, вопя во все горло и разя врагов мечами-палками.

Игра игрой, ну а жизнь жизнью, и вскоре Киа уселась в сторонке на замшелое бревно. Джоди молча пристроился рядом. Он хотел ей что-то сказать, отвлечь ее от мыслей о Ма, но слова не шли с языка, и они смотрели, как снуют по воде водомерки и их тени.

Киа вернулась на крыльцо и долго-долго ждала, глядя в конец тропы, – но ни слезинки не проронила. Лицо застыло, губы ниточкой, взгляд вдаль. Но Ма и в тот день не вернулась.

2
Джоди
1952

Ма ушла, а через неделю-другую разбрелись кто куда и сестры, и старший брат, будто взяли с нее пример. Па был мастер затевать скандалы – весь покраснеет от гнева, подымет крик, а под конец неуклюже машет кулаками направо и налево, – и они первое время терпели, но вскоре один за другим разбежались. Как ни крути, они считай что взрослые. И Киа, сперва позабыв, кому из них сколько лет, точно так же забыла и их полные имена, помнила только, как их звали дома: Мисси, Мэрф и Мэнди. На веранде, у себя на матрасе, Киа нашла горку носков, оставленных сестрами.

В то утро, когда из старших детей в доме остался один Джоди, Киа разбудил звон посуды и запах стряпни. Киа бросилась в кухню: неужели Ма вернулась, жарит оладьи или кукурузные лепешки? Но у плиты хозяйничал Джоди, помешивал кукурузную кашу. Киа улыбнулась, спрятав разочарование, а Джоди потрепал ее по макушке и шепнул: тсс, если Па не разбудим, позавтракаем в тишине. Печь печенье Джоди не умел, бекона в доме тоже не нашлось, и он сварил кукурузную кашу, поджарил яичницу на топленом сале, и они завтракали вдвоем, молча переглядываясь и улыбаясь.

Впопыхах вымыли посуду – и бегом к болоту, Джоди впереди. Но сзади уже ковылял Па – враскачку, того и гляди оторвется от земли; тощий как жердь, зубы желтые, как клыки у старого пса.

Киа нагнала Джоди:

– Бежим! Спрячемся на болоте!

– Ничего, не пропадем, – успокоил ее брат.

* * *

Позже, на закате, Джоди отыскал Киа на берегу – та смотрела на море. Когда он встал рядом, она даже не обернулась, все глядела, как курчавятся волны. И все же по голосу брата она поняла: Па напился.

– Я ухожу, Киа. Ни дня здесь больше не выдержу.

Еще чуть-чуть – и Киа обернулась бы, стала бы умолять: не бросай меня одну с Па, но слова застряли в горле.

– Подрастешь – все поймешь, – сказал Джоди.

Ей хотелось закричать, что она хоть и мала, да не глупа. Она знает, что все ушли из-за Па, но почему никто ее с собой не взял? Она бы и сама ушла, да только податься некуда и денег на автобус нет.

– Киа, ты осторожней здесь, слышишь? Если придет кто, в доме не прячься, там тебя мигом сцапают. Беги лучше на болото или в кусты. И следы заметай, как я тебя учил. И от Па там можешь спрятаться.

Не дождавшись ответа, Джоди попрощался и зашагал прочь от берега, к лесу. Когда Киа наконец оглянулась, он почти исчез за деревьями.

– *Другой поросенок остался один*, – проговорила она, глядя на волны.

И, стряхнув оцепенение, кинулась к хижине. С порога окликнула Джоди, но его вещи куда-то делись, постель была убрана.

Киа опустилась на его матрас и смотрела, как ползут по стене последние отблески заката. Солнце уже зашло, но свет еще догорал – озарил комнату, и на долю секунды смятые постели и груды тряпья вспыхнули ярче деревьев за окном.

Лютый голод, вроде бы привычный, на сей раз застиг Киа врасплох. Она пробралась на кухню и встала в дверях. Всю ее жизнь в кухне было тепло – то хлеб печется, то варится лимская фасоль, то булькает рыбное рагу. А сейчас здесь было душно, тихо, темно.

– Кто теперь стряпать будет? – спросила Киа вслух. А могла бы спросить: “И танцевать кто будет?”

Она зажгла свечу, пошуровала в печи кочергой, подбросила щепок. Прибавила тягу, пока не затеплился огонек, подкинула еще дровишек. Электричество в хижину не провели, и холодильник служил буфетом. Приоткрытая дверца была подперта мухобойкой, чтобы не заводилась плесень, и все равно по углам зеленели прожилки.

Вытаскивая остатки еды, Киа приговаривала: “Полью ка-

шу салом да разогрею"; так она и сделала, а потом села у окна и принялась есть прямо из чугунка, высматривая Па. Но он так и не пришел.

Когда молодой месяц заглянул в окно хижины, Киа улеглась на свое ложе – бугристый матрас на веранде, с настоящим постельным бельем в голубых розочках, что купила на дворовой распродаже Ма.

Никогда еще Киа не ночевала одна. Вначале она то и дело вскакивала и смотрела сквозь проволочную сетку, прислушивалась, не шуршат ли в лесу шаги. Здесь каждое дерево ей было знакомо, но при луне почему-то казалось, будто деревья мечутся туда-сюда. На миг она оцепенела, не в силах даже сглотнуть, но в обычный час зазвенели знакомые трели квакш и кузнечиков. Киа сразу успокоилась – это вам не песенка про трех слепых мышат, что бегут *"за фермершей следом, которая им хвосты отрубила ножом кривым"*! Тьма дышала сладостью, веяло земляным дыханием лягушек и саламандр, переживших еще один душный день. Болото укрылось ползучим туманом, будто одеялом, и Киа уснула.

* * *

Три дня Па не появлялся, и Киа на завтрак, обед и ужин варила ботву репы с маминой грядки. Пошла в курятник за яйцами, а там пусто. Ни кур, ни яиц.

– Дуры вы все! Курочки-дурочки! – Киа думала ухажи-

вать за ними без Ма, но до дела так и не дошло. А теперь вся эта пестрая компания разбежалась – кудахчут где-то далеко за деревьями. Надо бы их приманить, кукурузы им насыпать.

На четвертый день под вечер явился Па с бутылкой, рухнул поперек кровати.

А наутро ввалился в кухню и рявкнул:

– Где все?

– Не знаю, – пожала плечами Киа, глядя в сторону.

– Ничего-то ты не знаешь, ума у тебя не больше, чем у кутенка! И нужна ты здесь как собаке пятая нога.

Киа тихонько выскользнула из дома, а когда шла вдоль берега в поисках мидий, то учуяла запах гари; оглянулась – со стороны хижины поднимался столб дыма. Стрелой метнулась Киа прямо сквозь заросли к дому – посреди двора пылал костер. Па бросал в огонь мамины картины, платья, книги.

– Нет! – закричала Киа. Па, даже не взглянув на нее, швырнул в пламя приемник на батарейках. Киа потянулась к костру, хотела достать из огня картину, но пламя дохнуло в лицо, и она отпрянула.

Киа, сверля отца взглядом, преградила ему путь к хижине, чтобы не пустить его за новой порцией вещей Ма. Па замахнулся, но Киа не дрогнула, и он вдруг развернулся и, прихрамывая, зашагал к лодке.

Опустившись на дощатые ступени, Киа смотрела, как пламя пожирает одну из маминых акварелей, болотный пейзаж. Так просидела она до заката, пока не растаяли все до одной

кнопки приемника, а с ними и воспоминания о том, как они танцевали с мамой.

Шли дни, и Киа училась уживаться с Па – училась на ошибках остальных, а главное, у мальков. Сторониться его, на глаза не попадаться, держаться в тени – вот и весь секрет. Она вставала пораньше, выходила из дома, пока он еще спал, бродила весь день по лесу или у воды, а под вечер возвращалась и ложилась в свою постель на веранде, откуда до болота рукой подать.

* * *

Па во Вторую мировую воевал с Германией, и ему в бедро угодил осколок шрапнели – только этим он и гордился. Раз в неделю ему выдавали пособие по инвалидности, на эти деньги они и жили. Через неделю после ухода Джоди холодильник опустел, и репы в огороде почти не осталось. В понедельник утром, когда Киа зашла на кухню, Па указал на смятый доллар и горсть мелочи посреди стола:

– Вот тебе на неделю, на прокорм. Подачек не жди. Все надо отработать – на тебе стирка, уборка и дрова.

Впервые в жизни Киа отправилась одна за продуктами в городок Баркли-Коув – *"один поросенок пошел в магазин"*. Четыре мили брела она то по сыпучим пескам, то по черному илу, и наконец блеснул впереди залив, а на берегу показался городок.

С трех сторон Баркли-Коув окружали топкие низины, и соленые ветра дули то с болот, то с океана, доходившего во время прилива почти до Главной улицы. Городок, отрезанный от мира болотом и океаном, связывало с большой землей лишь однополосное шоссе, все в трещинах и ухабах.

Улиц в городке было две. Главная, с рядом магазинов, тянулась вдоль океана; на одном конце – супермаркет “Пигли-Вигли”, на другом – “Вестерн Авто”, между ними – закусочная. И там же – дешевый магазинчик “Кресс”, магазин одежды “Пенниз” (с заказом по каталогам), кондитерская Паркера и салон обуви “Бастер Браун”. Рядом с “Пигли-Вигли” – пивная “Конура”, где подавали сосиски в тесте, острый перец чили и жареные креветки в бумажных кульках. Женщинам и детям внутрь заходить запрещалось, зато можно было покупать сосиски в тесте и газировку прямо с улицы, через окошко в стене. Цветных не обслуживали ни внутри, ни через окошко.

Другая улица, Широкая, шла от разбитого шоссе напрямик к океану, где встречалась с Главной. Перекресток был один на весь город – там, где сходились Главная, Широкая и Атлантический океан. Магазины и заведения не лепились стена к стене, как в других городах, их разделяли пустыри, заросшие пальмами и морским овсом, словно сюда среди ночи прокралось болото. Дома, крытые кедровой дранкой, за два с лишним века выцвели и порыжели под солеными ветрами, а белые и голубые оконные рамы облупились. Городок

будто устал спорить со стихией и попросту сдался.

Городская пристань, огороженная ветхими канатами и ржавыми якорными цепями, вдавалась в небольшой залив, где в тихую погоду отражались красные и желтые креветочные катера. В обе стороны от магазинов – меж деревьев, вокруг лагун, вдоль побережья – разбегались проселки с рядами кедровых домиков. Баркли-Коув был в прямом смысле тихой заводью – домики терялись среди тростников и речных рукавов, точно гнездо цапли разметало ветром.

Босиком, в куцых штанишках на лямках, стояла Киа на пятачке, где болотная тропа встречается с шоссе. И кусала губы, порываясь удрать домой. Как разговаривать с людьми, как сосчитать деньги на продукты? Но голод вынудил ее действовать – и Киа вышла на Главную улицу и понуро поплелась к "Пигли-Вигли" по разбитому тротуару, еле видному из травы. На подходе к магазинчику мелких товаров она услыхала за спиной шум и едва успела отскочить – мимо просвистели на велосипедах трое мальчишек постарше. Их вожак оглянулся на Киа, засмеялся – мол, чуть не сбили! – и в тот же миг едва не столкнулся с женщиной, выходившей из магазина.

– ЧЕЗ ЭНДРЮС, вернись сейчас же! Все трое, вернитесь!

Проехав еще немного, они одумались и повернули назад, к мисс Пэнси Прайс, продавщице из галантереи. Ее семья некогда владела самой большой фермой на краю болота, и пусть ферму давным-давно продали, мисс Пэнси по-

прежнему играла роль родовитой землевладелицы, а это ох как непросто, если живешь в тесной квартирке над закусочной. Мисс Пэнси щеголяла в шелковых тюрбанах, и в то утро тюрбан на ней был розовый, под цвет помады и румян.

Она обрушилась на мальчишек:

– Вот пожалуюсь на вас матерям! А еще лучше – отцам. Гоняете по тротуару как бешеные, чуть не сбили меня! Что скажешь в свое оправдание, Чез?

Велосипед у него был самый красивый – красное седло, хромированный руль.

– Простите, мисс Пэнси, мы вас не увидали из-за той девчонки, она сама под колеса полезла! – Чез, загорелый, темноволосый, указал на Киа, притаившуюся в зарослях мирта.

– Она тут ни при чем. Нельзя сваливать вину на других, даже на болотный сброд. А теперь, ребята, сделайте доброе дело, для разнообразия. Вон мисс Ариэль, помогите ей донести сумки до машины. Да заправьте рубашки!

– Да, мадам, – выпалили хором мальчишки и покатили навстречу мисс Ариэль, учительнице вторых классов.

Киа знала, что темноволосый паренек – сын хозяев "Вестерн Авто", потому и велосипед у него самый красивый. Она не раз видела, как Чез выносит из грузовика увесистые картонные коробки с товаром, но никогда не говорила ни с ним, ни с его друзьями.

Выждав несколько минут, она, втянув голову в плечи, побрела к продуктовому магазину. Зашла внутрь и, оглядев

прилавок с крупами разных сортов, выбрала фунтовый пакет кукурузной крупы грубого помола, с красным ярлычком “Товар недели” – так ее учила мама. Дождавшись в проходе, пока рассосется очередь, Киа подошла к кассирше, миссис Синглтри.

– Где твоя мама? – спросила та.

Волосы у миссис Синглтри были стриженые, завитые, лиловые, вылитый ирис под ярким солнышком.

– Дома, по хозяйству хлопочет, мадам.

– А деньги на крупу у тебя есть?

– Да, мадам. – Не понимая, сколько нужно, Киа выложила целый доллар.

Миссис Синглтри, не зная, умеет ли девочка считать, стала класть в ее раскрытую ладонь монету за монетой, приговаривая:

– Двадцать пять, пятьдесят, шестьдесят, семьдесят, восемьдесят, восемьдесят пять и еще три пенни. Потому что крупа стоит двенадцать центов.

У Киа засосало под ложечкой. Неужели придется что-то еще сосчитать? Она озадаченно уставилась на мелочь у себя в ладони.

Миссис Синглтри, как видно, смягчилась.

– Ну все, беги.

Киа пулей вылетела из магазина и двинулась быстрым шагом к болотной тропе. Сколько раз твердила ей мама: “Если ты в городе, никогда не беги, а не то подумают, будто ты что-

то стащила". Но, едва дойдя до песчаной тропки, Киа припустила галопом, да так и пробежала добрых полмили без передышки, а остальное прошла скорым шагом.

Дома, в полной уверенности, что умеет варить кукурузную кашу, Киа засыпала крупу в кипяток, как Ма, но крупа слиплась в огромный ком, снизу пригорелый, а внутри сырой. Да еще и на вкус как резина. Киа, осилив несколько ложек, выбежала в огород, отыскала среди золотарника немного ботвы репы, сварила и съела дочиста, а отвар выпила залпом.

За несколько дней Киа научилась варить кашу, хоть та и пригорала, сколько ее ни помешивай. На следующей неделе она принесла из магазина костей – с красным ценником – и потушила их с кукурузной крупой и капустными листьями, вышло вполне сносное варево.

Киа не раз стирала с Ма – терла во дворе под краном белье о стиральную доску, с хозяйственным мылом. Но когда замочила отцовский комбинезон, он стал тяжеленный, ни выкрутить, ни на веревке развесить, и Киа разложила его под солнышком на карликовой пальме у края леса.

Так и бегали они с Па друг от дружки – жили врозь под одной крышей и, бывало, не виделись днями. И почти не разговаривали. Киа убирала за собой и за ним, как заправская хозяйка. Стряпней ее он брезговал, да и дома бывал редко, но она заправляла его постель, прибирала за ним мусор, мела пол и почти всегда мыла посуду – не из-под палки, а что-

бы дома был порядок к маминому возвращению.

* * *

Ма всегда говорила, что Киа родилась под осенней луной. Киа не знала, когда у нее день рождения, и однажды вечером, как только полная золотая луна засияла над лагуной, она сказала про себя: “Вот мне и семь лет”. Отец и не думал ее поздравлять, и о праздничном торте, разумеется, речи не шло. О том, что ей пора в школу, он тоже не заикнулся, а Киа, почти ничего про школу не зная, боялась спросить.

Конечно, Ма вернется на ее день рождения, потому и наутро после осеннего полнолуния Киа надела платье из набивного ситца и стала глядеть на дорогу. Скорей бы показалась Ма, в длинной юбке и крокодиловых туфлях. Но никто не появился, и Киа, взяв чугунок с кукурузной кашей, побрела через лес к океану. Сложив руки рупором и запрокинув голову, закричала: “Кью-кью-кью!” И засеребрилось небо от края до края.

– Вот и они! Сколько тут чаек – не сосчитать! – сказала Киа.

И стала бросать им кашу, а чайки с криками кружили над ней, подлетали все ближе, едва не задевая крыльями по лицу. Каша кончилась, они поутихли и принялись чистить перья, а Киа уселась на песок, поджав ноги. Одна большая чайка опустилась рядом.

– А у меня сегодня день рождения, – сказала Киа чайке.

3
Чез
1969

Сгнившие опоры заброшенной пожарной вышки упирались в болото, будто ноги великана, а над болотом струился туман. Лес, казалось, притих в ожидании, лишь вороны кричали, когда двое мальчишек, Бенджи Мейсон и Стив Лонг, обоим по десять лет, белобрысые, полезли вверх по скользким ступеням утром 30 октября 1969-го.

– Ну и жарища нынче осенью! – крикнул Стив карабкавшемуся сзади Бенджи.

– Да, и тихо-то как, только вороны каркают.

Глянув между ступенями, Стив воскликнул:

– Ого! Что это там?

– Где?

– Вон, гляди! Синяя одежда – да это же человек в болоте!

– Эй! – крикнул Бенджи. – Вы чего там делаете?

– Слышь, у него лицо не двигается.

Проворно перехватывая перекладины руками, они быстро спустились и обошли вышку кругом, увязая в зеленоватой жиже. Там и вправду лежал человек – навзничь, левая нога неестественно вывернута, глаза открыты, рот разинут.

– Мамочки! – выдохнул Бенджи.

– Ой, да это Чез Эндрюс!

– Погнали к шерифу!

– Узнают, что мы сюда лазили, – влетит нам!

– Да никто сейчас и не вспомнит про это. И воронье вот-вот слетится.

Оба повернули головы на карканье, и Стив сказал:

– Одному из нас надо остаться, ворон отгонять.

– Ты что, сдурел? Очень надо мне одному тут торчать! Да и ты тут без меня не останешься, клянусь головой индейца!

Они оседлали велосипеды и, налегая на педали, пустились по вязкой песчаной тропе обратно в город, на Главную улицу, а там кинулись к приземистому зданию, где за столом сидел шериф Эд Джексон, а с потолка свисали на длинных проводах голые лампочки. Шериф – кряжистый, рыжий, в веснушках – листал спортивный журнал.

Дверь была не заперта, и мальчишки влетели без стука.

– Шериф…

– А-а, Стив, Бенджи! Вы с пожара, что ли?

– Мы Чеза Эндрюса видели – в болоте лежит, у пожарной вышки! С виду мертвый. Ни рукой ни ногой не шевельнет.

Со времен основания Баркли-Коув в 1751 году нога полицейского не ступала в заросли меч-травы. В сороковых – пятидесятых шерифы, бывало, пускали на болото ищеек по следу беглых преступников, и до сих пор собак держали в участке на всякий случай. Но Джексон обычно не брался расследовать преступления, где замешан болотный люд.

Крысы есть крысы, пускай себе грызутся.

Но Чез – другое дело. Шериф вскочил, сорвал с вешалки шляпу.

– Показывайте.

Машина ползла по песчаной дороге через дубняк и заросли остролиста, рядом с шерифом сидел доктор Верн Мэрфи, единственный в городке врач, – стройный, поджарый, с проседью. Оба подпрыгивали на ухабах под скрежет колес, доктор чуть не бился головой в стекло. Давние друзья, почти одногодки, они вместе рыбачили, и не раз приходилось им сообща расследовать одно дело. На этот раз ехали молча – обоих их тяготила обязанность подтвердить, чье тело лежит в болоте.

Стив и Бенджи тряслись в кузове с велосипедами; наконец грузовик остановился.

– Он там, мистер Джексон. Вон, за кустами.

Эд выбрался из кабины.

– Вы, ребята, ждите тут. – И следом за доктором шериф стал пробираться по болоту к телу Чеза.

Грузовик распугал воронье, но над трупом вились прочие птицы, не отставали и насекомые. Жизнь брала свое.

– Да, это Чез, он самый. Сэм и Патти Лав не переживут.

Эндрюсы заказывали каждую свечу зажигания, оплачивали каждый счет, вешали каждый ценник в “Вестерн Авто” ради единственного сына, Чеза.

Верн опустился рядом с телом на корточки, приложил

к груди Чеза стетоскоп и констатировал смерть.

– И давно? – спросил Эд.

– Насколько я понимаю, десять часов, не меньше. Коронер установит окончательно.

– Видно, залез ночью на вышку. И сорвался.

Верн бегло осмотрел Чеза, не передвигая тела, и встал рядом с Эдом. Оба уставились на Чеза: лицо раздуто, взгляд в небо, рот разинут.

– Говорил же я, этим кончится, – вздохнул шериф.

Чеза они знали с рождения. У них на глазах он из славного малыша стал обаятельным подростком, потом юношей – звездой местной футбольной команды, любимцем девчонок, помощником отцу в магазине. И наконец – видным молодым мужчиной, мужем первой здешней красотки. А сейчас валяется здесь, и достоинства в нем не больше, чем в болотной жиже. Ничего возвышенного в смерти нет, и все перед нею равны.

Эд нарушил молчание:

– Ума не приложу, почему никто раньше не прибежал за помощью. Сюда же вечно таскаются и стаей, и парочками, пообжиматься.

Шериф и доктор обменялись понимающими взглядами: Чез хоть и был женат, но вполне мог прийти сюда с другой.

– Отойдем-ка в сторону, издали виднее, – сказал Эд и зашлепал по болоту, повыше задирая ноги. – А вы, ребята, стойте здесь, не топчитесь.

Указав на цепочку следов, что вела от вышки через болото и обрывалась футах в восьми от тела Чеза, Эд спросил:

– Это ваши утренние?

– Да, а дальше мы не ходили, – ответил Бенджи. – Как увидели Чеза – сразу назад. Вон где мы свернули.

– Понял. – Эд огляделся. – Верн, что-то здесь не так. Возле трупа следов не видно. Будь рядом с Чезом друзья или кто еще, подбежали бы, обступили, склонились над ним – жив ли? Наши-то следы в грязи вон какие четкие, а других и не видать. Ни вокруг тела, ни в сторону вышки, ни обратно.

– Может, он был один? Это бы все объясняло.

– А его-то следы где? Как мог Чез Эндрюс пройти по дороге, а потом через болото к вышке, не оставив следов?

4
Школа
1952

Вскоре после дня рождения Киа, стоя босиком в луже, наблюдала за головастиком, у которого уже отросли лапки. И вдруг встрепенулась. К хижине, тарахтя, по песчаной дороге приближался автомобиль. Ни одна машина отродясь сюда не заезжала. Вскоре из-за деревьев донеслись два голоса – мужской и женский. Киа шмыгнула в кусты: из зарослей она могла видеть, кто идет, и могла убежать, если что. Как Джоди учил.

Из машины вышла рослая женщина и двинулась по песку, увязая в нем высокими каблуками, – точь-в-точь как Ма в тот день. Наверное, из приюта, за ней приехала.

"Ей меня не догнать. Шлепнется на своих каблучищах, нос расквасит!" Киа, затаившись, смотрела, как женщина приближается к хижине.

– Эй, есть кто дома? Это школьный инспектор, я за Кэтрин Кларк, отвезти ее в школу.

Шутками тут и не пахло. Киа думала, в школу детей берут с шести лет. А они только сейчас приехали, на год позже.

Киа не знала, как разговаривать с детьми, а с учителем и подавно, но хотела научиться читать, хотела узнать, какое

число идет после двадцати девяти.

– Кэтрин, золотко, если ты меня слышишь, прошу, покажись. Такие у нас законы, детка, – хочешь не хочешь, а в школу ходить надо. Да и тебе там понравится, зайка. Там каждый день кормят горячим обедом, бесплатно. Сегодня, по-моему, пирог с курицей – хрустящий, с корочкой.

Вот это уже другое дело! Киа замучил голод. На завтрак она сварила кукурузную кашу, покрошив туда крекеры, потому что соль в доме кончилась. Одну жизненную премудрость она успела усвоить: кукурузная каша без соли – это не еда. Пирог с курицей она пробовала считаные разы, но как сейчас помнила хрустящую золотистую корочку, а под ней пышное тесто. Помнила, какой он сочный, ароматный. Она выглянула из зарослей – желудок все решил за нее.

– Здравствуй, дружочек, я миссис Калпеппер. Ты уже совсем большая, пора в школу, да?

– Да, мадам, – отвечала Киа, не поднимая глаз.

– Можно босиком, это ничего, другие так ходят, а вот юбку надеть придется, ты же девочка. Есть у тебя юбка или платье, дружок?

– Да, мадам.

– Вот и славно, тогда давай переоденемся.

Миссис Калпеппер зашла следом за девочкой на веранду, переступив через птичьи гнезда, что разложила рядком на полу Киа. В спальне Киа надела единственное платье, что было ей впору, – в клетку, одна бретелька оборвана и при-

шпилена булавкой.

– Ну вот, милая, другое дело.

Миссис Калпеппер протянула ей руку. Киа потрясенно уставилась на ее ладонь. Вот уже несколько недель она ни к кому не прикасалась – а к постороннему человеку и вовсе никогда. Но она вложила в пальцы миссис Калпеппер худенькую ладошку, и школьный инспектор повела ее по тропе к "форду крестлайнеру", за рулем которого сидел угрюмый водитель в серой фетровой шляпе. Киа, устроившись сзади, за всю дорогу ни разу не улыбнулась – ей было неуютно, совсем не то что цыпленку под крылом у наседки.

Школа для белых в Баркли-Коув была одна. Все классы, с первого по выпускной, учились в двухэтажном кирпичном здании на Главной улице, в дальнем конце от полицейского участка. Для цветных детей была своя школа – одноэтажная, бетонная, на выезде из Цветного квартала.

Киа провели в кабинет директора, но имени ее в списках не нашли, а даты ее рождения никто не знал, так что ее записали сразу во второй класс, хоть в школе она не училась ни дня в жизни. Первый класс, как сказали ей, и так переполнен, да и не все ли равно, ведь болотная детвора походит в школу месяц-другой, а потом только их и видели. Когда директор вел Киа гулкими коридорами, на лбу у нее выступила испарина. Директор распахнул дверь и легонько втолкнул Киа в класс.

Клетчатые рубашки, широкие юбки, башмаки – вся-

кие-превсякие; кое-кто босиком. И глаза – все глядят на нее. Никогда в жизни Киа не видала столько народу. Дюжина, не меньше. Учительница, та самая мисс Ариэль, которой мальчишки помогли в тот раз донести покупки, усадила Киа за заднюю парту. Вещи велела положить на полочку, но складывать было нечего – Киа пришла с пустыми руками.

Учительница вернулась к доске и обратилась к новенькой:

– Кэтрин, встань, пожалуйста, и назови свое полное имя.

У Киа засосало под ложечкой.

– Ну же, дружок, смелей.

Киа встала.

– Мисс Кэтрин Даниэла Кларк, – четко произнесла она, Ма как-то сказала, что так звучит ее полное имя.

– Ты можешь нам продиктовать по буквам слово “кот”?

Киа молчала, уставившись в парту. Джоди с мамой немного учили ее буквам, но вслух называть их, да еще перед классом, не приходилось.

Внутри все сжалось от ужаса, и все-таки она попыталась: “т-о-к”.

Весь класс, от первых парт до последних, затрясся от смеха.

– Шшш! Ну-ка, тихо! – прикрикнула мисс Ариэль. – Никогда – слышите, никогда – нельзя смеяться над товарищем! Пора бы уже понимать.

Киа притаилась за своей задней партой, мечтая стать невидимкой, как жучок-короед в трещине дуба. Учительни-

ца продолжила урок, и вскоре Киа, хоть ей и было не по себе, подалась вперед – в ожидании, когда же скажут, что за число идет после двадцати девяти. А мисс Ариэль все говорила про какую-то там фонетику, а ученики, сложив губы трубочкой, повторяли за ней: “а, о, у” – ворковали, ну словно голуби.

Ближе к одиннадцати сытный дух горячей сдобы наполнил коридоры, просочился в класс. У Киа от голода свело живот, и когда ученики наконец потянулись гуськом в столовую, рот ее был полон слюны. Вслед за остальными она взяла поднос, зеленую пластмассовую тарелку и приборы. В стене было окошко с прилавком, а там на огромном эмалированном противне лежал куриный пирог с хрустящей корочкой, истекал горячим соком. Высокая чернокожая повариха, улыбаясь и кое-кого из детей называя по именам, плюхнула ей на тарелку толстый кусок пирога и порцию розовых бобов в масле, да еще и сдобную булочку добавила. Киа взяла банановый пудинг и красный с белым пакетик молока – каждому полагалось по одному.

Она оглядела зал – почти все столы заняты, за каждым смеются, болтают. Она узнала Чеза Эндрюса с приятелями, под велосипеды которых едва не угодила, – и отвернулась, села подальше. Несколько раз ее взгляд сам собой устремлялся на мальчишек – единственных, кого она тут знала. Но те, как и все прочие, ее не замечали.

Киа уставилась на пирог, начиненный курицей, морковкой, картошкой, зеленым горошком. Сверху – румяная ко-

рочка. К столу приближались две девочки в пышных юбках с рюшами. Одна высокая, щупленькая, с льняными волосами, другая круглолицая, щекастая. В таких юбках, подумала Киа, ни на дерево не залезешь, ни в лодку не сядешь, ни лягушку не поймаешь, ни даже собственных ног не увидишь.

Она уткнулась в тарелку. Как поддержать разговор, если они к ней подсядут? Но девчонки прошли мимо, щебеча, как птички, и сели за другой стол, к подругам. Несмотря на голод, кусок не лез Киа в горло, во рту пересохло. Осилив кусочек-другой, Киа выпила все молоко, а остатки пирога затолкала в молочный пакет и вместе с булочкой завернула в салфетку.

За весь остаток дня она и рта не раскрыла. Учительница задала ей вопрос, а она молчала как рыба. Она ведь сюда пришла учиться, а не других учить. "Зачем выставлять себя на смех?" – решила Киа.

Когда прозвенел последний звонок, она пошла на автобус, ее обещали высадить в трех милях от поворота к их хижине – дальше не проехать из-за песка, – а наутро автобус приедет за ней, и так каждый день. На обратном пути, когда автобус трясся на ухабах, а за окном мелькали островки спартины, с переднего сиденья раздалось ехидное:

– МИСС Кэтрин Даниэла Кларк!

Белобрысая-долговязая и Пухлая-щекастая, которых Киа видела в столовой, заверещали наперебой:

– Эй, курица болотная! Где твоя шляпка, крыса тростни-

ковая?

Наконец автобус остановился на лесном пятачке, откуда во все стороны разбегались тропки. Скрежетнула, открываясь, дверь, Киа вылетела пулей и только через полмили остановилась перевести дух, а дальше, до своего поворота, шла быстрым шагом. И, не заходя в хижину, пустилась через пальмовую рощу к лагуне, а оттуда – по тропинке сквозь густой дубняк к океану. Выбежала на пустынный берег, и перед ней открылся морской простор. Ветер трепал косички. Ей хотелось плакать – впрочем, как и весь день.

Сквозь рокот прибоя Киа стала звать чаек. Океан ревел басом, ему вторили чаячьи сопрано. С криками реяли птицы над болотом и над песчаным берегом, а Киа крошила им пирог и булочку. Чайки опускались все ниже, выставив лапы, крутя головами.

Несколько птиц подобрались совсем близко, щекоча крыльями ее босые ноги, и Киа смеялась, пока на глазах не выступили слезы, и наконец из горла – оттуда, где застрял комок, – вырвались хриплые, надсадные рыдания. Когда чайки склевали последние крошки, ее пронзила невыносимая боль и страх: вдруг теперь и они разлетятся, бросят ее здесь одну? Но чайки не спешили улетать, принялись чистить широкие серые крылья. Киа сидела на корточках, смотрела на птиц и мечтала: взять бы их в охапку, отнести на веранду, уложить с собой в постель! Она представила, как греется под одеялом среди пуховых комочков.

Два дня спустя, услыхав знакомое тарахтенье “форда крестлайнера”, Киа убежала на болото, потопталась по песчаным косам, чтобы оставить побольше следов, а потом на цыпочках зашла в воду и, сделав петлю, устремилась в другую сторону. Дойдя до илистой отмели, она побегала кругами, запутывая следы. А выбравшись на твердую землю, запрыгала с кочки на кочку – и ни следа не оставила.

Еще несколько недель за ней приезжали раз в два-три дня; водитель в фетровой шляпе прочесывал все кругом, но ни разу не напал на след. А потом настала неделя, когда никто за ней не приехал. Тихо было кругом, лишь вороны каркали. Киа, уронив руки вдоль тела, глядела на пустую дорогу.

В школу она так и не вернулась. Уж лучше и дальше наблюдать за цаплями да собирать раковины – так она хоть чему-то научится. “Я уже умею ворковать по-голубиному, – говорила она себе. – И я куда лучше их всех, ну и пусть туфли у них красивые!”

* * *

Однажды знойным утром, через несколько недель после единственного школьного дня, Киа забралась на дозорную вышку, что построили братья, и стала высматривать в море пиратские корабли с черепами на флагах. Воображение расцветает и на самой скудной почве; Киа распевала: “Эй, пираты, йо-хо-хо!” – а потом спрыгнула с дерева и бросилась

в атаку, потрясая клинком. Вдруг острая боль пронзила правую ступню, – ногу будто огнем прожгло. У Киа подогнулись коленки, она повалилась на землю и взвыла. Из ноги торчал длинный ржавый гвоздь. “Па!” – закричала Киа. Она не помнила точно, ночевал ли он дома. “Помоги, Па!” – звала она, но никто не откликнулся. Киа выдернула из ноги гвоздь, воя, чтобы заглушить боль.

И долго еще она скулила, перебирая руками по песку. Наконец приподнялась и осмотрела ступню. Крови не было, лишь узкая, глубокая ранка. И тут Киа вспомнила про столбняк. Внутри все сжалось, по спине пробежал холодок. Джоди ей рассказывал, как один мальчик наступил на ржавый гвоздь, а сыворотку ему вовремя не вкололи, и свело у него челюсти, да так, что не разжать. А потом выгнуло его дугой, как натянутый лук, и никто ему помочь уже не мог – стояли и смотрели, как он умирает в судорогах.

Джоди тогда прямо сказал: укол надо сделать самое позднее через два дня, или тебе каюк. Где делают такие уколы, Киа не знала.

“Нельзя сидеть сложа руки. Пока дождусь Па, меня точно столбняк хватит”. И, обливаясь потом, Киа заковыляла по песку – и ковыляла до прохладной тени дубов, окружавших хижину.

Мама всегда промывала раны соленой водой и залепляла глиной, смешанной с травами. Соли в доме не было, и Киа, прихрамывая, побрела к лесной заводи, такой соленой, что

во время отлива на берегу выпадали белые кристаллики. Киа села на землю, окунула ногу в солоноватую болотную воду и без остановки то открывала рот, то закрывала, то зевала, то губами шлепала – проделывала все, лишь бы челюсти не свело. Примерно через час, в самый отлив, Киа вырыла в скользком черном иле ямку и осторожно опустила туда ногу. В ямке было прохладно. Орлиные клики подсказали, в какой стороне дом.

К вечеру живот скрутило от голода, и Киа вернулась в хижину. Отца она не застала, и домой его можно было не ждать. Покер под виски – занятие на всю ночь. Кукурузной крупы в доме не нашлось, но, пошарив на полках, Киа откопала старую замызганную жестянку маргарина, зачерпнула немного и намазала на крекер. Куснула раз-другой – и в итоге сгрызла пять штук.

Она улеглась на веранде, прислушиваясь, не приближается ли на лодке отец. Ночь выдалась беспокойная, Киа дремала урывками и заснула, наверное, только под утро, а проснулась от того, что в лицо било солнце. И первым делом открыла рот – все в порядке, открывается. И много раз ходила к соленой заводи и следила по солнцу, когда же пройдет этот день. Открывала рот, снова закрывала – может, все-таки обойдется?

Вечером, намазав ногу глиной и перевязав тряпицей, Киа улеглась на матрас, не зная, доживет ли до утра. Но тут же вспомнила: не так-то просто умереть – сначала ее изогнет

в дугу, руки-ноги перекорежит судорогой.

В пояснице вдруг что-то кольнуло, и Киа подскочила. “Ой-ой-ой! Ма, мамочка!” Боль вернулась, и Киа притихла. “Подумаешь, свербит”, – шепнула она. Наконец, без сил, она уснула, а когда открыла глаза, на ветках дуба вовсю ворковали голуби.

Неделю ходила она к заводи дважды в день, перебиваясь крекерами с маргарином, а отец все не возвращался. На восьмой день она уже почти не хромала, боль прошла. От радости Киа даже пустилась в пляс, чуть припадая на ногу и распевая: “Я жива! Жива!”

Наутро она снова отправилась на берег высматривать пиратов.

“Первым делом велю матросам убрать отсюда все гвозди”.

* * *

Киа привыкла просыпаться чуть свет, под звон посуды на кухне. На завтрак Ма любила готовить омлет из домашних яиц, прямо из-под курицы, с кружочками спелых помидоров и оладьи – тесто она делала из кукурузной муки с водой и солью, а потом выливала на раскаленную сковородку с шипящим маслом, оладьи получались румяные, с ломкими кружевными краешками. Ма говорила: жарить так жарить, пусть на весь дом скворчит! – и всю жизнь Киа просыпалась по утрам под шипенье оладушек, вдыхала сизый кукурузный

дымок. А теперь кухня стояла тихая, стылая, и Киа, выбравшись из постели на веранде, отправилась к лагуне.

Прошли месяцы, незаметно подкралась мягкая южная зима. Солнце кутало плечи Киа теплым одеялом, манило ее все дальше на болота. Иногда она пугалась по ночам незнакомых звуков или вздрагивала, если где-то близко ударит молния, но всякий раз, стоило ей вдруг оступиться, земля будто сама подхватывала ее, выручала. И наконец, точно неизвестно когда, боль из сердца ушла, как вода в песок, – просочилась глубоко, но до конца не исчезла. Киа прижала ладонь к влажной, дышащей земле, и земля утешила ее, как мать.

5
Расследование
1969

Звенели в вышине под жгучим солнцем цикады. Вся прочая живность попряталась от жары, лишь из травы неслось приглушенное жужжание.

Шериф Джексон вздохнул, утирая пот со лба:

– Верн, здесь еще работы по горло, но у меня сердце не на месте. Ни жена, ни родители Чеза не знают, что он погиб.

– Съезжу к ним, скажу, – отозвался доктор Верн Мэрфи.

– Спасибо тебе. Поезжай на моем грузовике. Пришли за Чезом "скорую", а Джо пускай грузовик сюда пригонит. Но больше никому ни слова. Еще не хватало, чтоб весь город сюда сбежался, а если проболтаться, то так и будет.

Перед уходом доктор Мэрфи долго смотрел на Чеза, будто что-то упустил. Надо вспомнить и исправить, на то он и врач. Тяжелый болотный воздух сгустился, словно в ожидании.

Эд повернулся к мальчикам:

– А вы оставайтесь тут. Не хочу, чтобы по городу слухи пошли, да смотрите ничего не трогайте и не натопчите.

– Хорошо, – сказал Бенджи. – По-вашему, Чеза убили, да? Следов ведь нет. Его столкнули?

– Ничего я такого не говорил. Отрабатываем версии, как

обычно. А вы, парни, не путайтесь под ногами, и о том, что здесь слышали, чур, молчать.

Не прошло и четверти часа, как на патрульном грузовике прибыл Джо Пардью, помощник шерифа, – коренастый, с густыми баками.

– Не верится просто! Чез! Лучший футболист за всю историю города. В голове не укладывается.

– Так и есть. Ну что, за дело?

– Далеко ли продвинулись?

Эд отвел помощника подальше от мальчишек.

– Что ж, выглядит как несчастный случай – парень сорвался с вышки и расшибся. Но я пока не нашел следов, ведущих к вышке, ни его, ни чьих-то еще. Давай поищем, есть ли признаки, что кто-то их уничтожил.

Минут десять они прочесывали все вокруг тела.

– Ничего, только следы мальчишек, – подтвердил Джо.

– Да, и никаких признаков, что следы кто-то замел. Ничего не понимаю. Ладно, позже к этому вернусь, – сказал Эд.

Они сделали снимки тела: общий план с лестницы, раны на голове крупным планом, сломанная нога. Джо записывал под диктовку Эда. Когда измеряли расстояние от тела до тропинки, вдруг затрещали придорожные кусты – подъехала "скорая". Водитель, чернокожий старик, уже не один десяток лет возивший раненых, больных, умирающих и мертвых, почтительно склонил голову и сказал:

– На мешковину-то его не уложить – руки враскорячку,

придется его подымать, а он ох какой тяжелый. Вы, шериф, придержите мистеру Чезу голову. Вот так. Ох-ох-ох!

Близился полдень, когда облепленное грязью тело погрузили в "скорую".

Доктор Мэрфи передал, что известил родителей Чеза о его смерти, и Эд отпустил мальчиков, а сам вместе с Джо полез по лестнице, что вела на самый верх башни, постепенно сужаясь. С каждой ступенькой мир будто раздвигался – внизу раскинулись густые леса и плавни.

Взобравшись на верхнюю ступеньку, Джексон откинул железную решетку, а когда они выбрались на смотровую площадку – опустил, чтобы было на чем стоять. Центр площадки был из занозистых, посеревших от времени досок, но по краям – откидывающиеся квадратные решетки. По запертым на засов можно было передвигаться, но незапертая могла распахнуться под тяжестью тела, и тогда сорвешься с высоты в шестьдесят футов.

– Эй, глянь-ка! – Эд указал на дальний край платформы, где вместо одной из решеток зиял провал.

– Что за чертовщина! – воскликнул Джо, приблизившись.

Ровно под проемом виднелся четкий контур скрюченного тела. Желтоватая жижа и ряска брызгами разлетелись в стороны, точно на картине художника-абстракциониста.

– Странное дело, – заметил Эд. – Можно забыть закрыть решетку, когда спускаешься. Несколько раз так и случалось на моей памяти, вот как раз с этой, остальные всегда были

заперты.

– Но с чего бы Чезу ее открывать? А если не Чезу, то кому-то еще.

– Незачем – разве что кто-то хотел кого-то столкнуть, – сказал Эд.

– А почему потом не закрыли?

– Если бы Чез упал случайно, то и закрывать некому. Вот и оставили, чтобы инсценировать несчастный случай.

– Взгляни вон на тот брус, чуть пониже проема. Видишь трещину?

– Вижу. Наверное, Чез головой ударился, падая.

– Слазаю туда, поищу кровь и волосы. И образец дерева возьму.

– Спасибо, Джо. Заодно сними крупным планом. А я за веревкой спущусь, надо тебя подстраховать, не хватало нам два трупа в этой жиже в один день! Да, и проверь на отпечатки открытую решетку и ту, что над лестницей, ограждения, перила – в общем, чего могли касаться. И надо поискать, нет ли где волос, ниток, волокон одежды.

* * *

Спустя два с лишним часа они разогнули наконец спины.

– Я не говорю, что тут нечисто, – сказал Эд, – пока еще рано. И, между прочим, не припомню никого, кто мог бы желать Чезу смерти.

– Ну а я думаю, целый список наберется, – возразил помощник.

– Да? Ты о ком?

– Не прикидывайся, Эд! Сам знаешь, что за хрен был Чез. Шлялся по бабам, блудил как кот мартовский. И до женитьбы, и после, и с девчонками, и с замужними. Кобели на собачьей свадьбе и то поскромней будут.

– Да ну, не все так плохо было, точно тебе говорю. Ну да, бабник, но не убивать же его за это!

– Я о том толкую, что многим в городе он был поперек горла. Ревнивым мужьям, к примеру. Наверняка это кто-то из его знакомых. И не только его, а и наших тоже. Вряд ли Чез сюда полез бы с чужаком каким, – предположил Джо.

– Разве что здорово задолжал кому-то не из местных. Впутался в историю, а мы ни сном ни духом. Но чтобы отсюда столкнуть Чеза Эндрюса, сила нужна немалая. Непростое дело-то.

– У меня есть кое-кто на примете, – сказал Джо.

6
Лодка и мальчик
1952

Однажды утром в кухню зашел Па, свежевыбритый, в мятой рубашке с воротником на пуговках, и сказал, что едет автобусом в Эшвилл, по армейским делам. Он считал, что пенсию по инвалидности ему недоплачивают, и ехал разбираться, дня на три-четыре. Прежде он никогда не говорил Киа, куда едет, зачем и надолго ли, и она, стоя рядом в куцых штанах на лямках, лишь молча глядела на него.

– Да ты у нас, оказывается, глухонемая, – буркнул он и вышел с веранды, хлопнув дверью.

Киа смотрела, как он хромает по дорожке, загребая левой ногой, и пальцы у нее сжимались в кулаки. Все ее бросают, уходят по дорожке прочь, один за другим. Когда он на повороте вдруг оглянулся, Киа подняла руку и замахала что есть силы. Пусть хоть что-то его да удержит. Па махнул в ответ – коротко, небрежно, и на том спасибо. Ма ведь даже не обернулась.

Киа пошла к лагуне, где, сверкая на солнце крылышками, плясали над водой сотни стрекоз; дубы и густой кустарник окружали лагуну, нависая над ней, будто своды пещеры. Приблизившись, Киа остановилась как вкопанная – у берега

на привязи покачивалась лодка Па. Уплыть бы на ней в болото – но отец узнает, отлупит ремнем. Или веслом, что стоит у двери, – Джоди окрестил его “милости просим”.

И все-таки любопытство потянуло ее к лодке – металлической плоскодонке, на которой отец рыбачил. Киа ходила на ней сколько себя помнила, чаще всего с Джоди. Иногда он ей давал порулить. Она даже знала, как выйти извилистыми ручьями и протоками, сквозь водный лабиринт, к морю. Хотя океан был совсем близко, едва ли не сразу за деревьями, окружавшими хижину, на лодке сначала нужно было плыть в противоположную сторону – вглубь материка, через сплетение проток, тянувшееся много миль, прежде чем выйти к морю.

Но Киа в свои семь лет никогда еще не плавала одна. Лодка покачивалась на воде, привязанная хлипкой веревкой к бревну. На дне мусор, рваные сети, смятые пивные жестянки. Забираясь в лодку, Киа сказала вслух:

– Надо бензин проверить, как Джоди учил, чтобы Па не заподозрил, что лодку брали без спросу. – Она потыкала в отверстие ржавого бака камышинкой. – Наверно, хватит чуть-чуть покататься.

Киа, под стать заправскому угонщику, огляделась, сдернула с бревна веревку и оттолкнулась веслом от берега. Облачко стрекоз бесшумно разлетелось перед ней.

Не в силах устоять, Киа дернула трос и отпустила, когда мотор затарахтел и повалил белый дымок. Она схватилась

за румпель, слишком сильно выкрутила ручку газа, и лодку круто развернуло, мотор заскрежетал. Киа убавила газ, и лодка, пофыркивая, выровнялась.

“Если что не так, сбрось газ. На холостой ход”.

Чуть прибавив скорость, Киа обогнула поваленный кипарис – *фр-фр-фр!* – потом бобровую хатку. И, затаив дыхание, повернула к выходу из лагуны, еле видному из-за кустов ежевики. Ныряя под низко нависающие ветви деревьев-великанов, не спеша проплыла сотню ярдов, вокруг плюхались в воду с коряг черепахи. Киа плыла будто сквозь изумрудный туннель: внизу ковер из ряски, сверху зеленый свод. Деревья наконец расступились, и ее встретило высокое небо, густые травы, птичьи крики. Должно быть, так видит мир цыпленок, когда пробьет скорлупу, подумалось ей.

Киа двинулась дальше – тоненькая девчушка в лодке, – а впереди ветвились, переплетались бесчисленные протоки. “В сторону моря все повороты – левые”, – учил ее Джоди. Киа вела лодку вниз по течению бесшумно, малым ходом. В тростниках белохвостая олениха с олененком-подростком пили из ручья. Оба встрепенулись, подняли морды, с которых капала вода. Киа не остановилась, чтобы не спугнуть их, этот секрет она усвоила, наблюдая за дикими индейками: не веди себя как хищник, и животные не станут вести себя как жертвы. Просто не обращай на них внимания, плыви себе мимо. Киа так и сделала, а олени стояли неподвижно, как две сосенки, пока она не скрылась за островком травы-солянки.

Впереди лежала цепь темных лагун, окруженных дубами, и Киа вспомнила: в дальнем конце есть протока, что ведет в широкое русло. Несколько раз Киа упиралась в тупики и возвращалась, искала другой поворот. Старалась запомнить все приметы, чтобы не заблудиться. Наконец перед ней открылось русло – всюду, куда хватало глаз, синела вода, будто в нее опрокинулось небо с облаками.

Киа заметила, что вода в ручьях убывает, – значит, начался отлив. Когда вода отступит – а это может случиться в любую минуту, – часть проток исчезнет и она застрянет на мели. Придется плыть наперегонки с отливом.

Когда она огибала островок высокой травы, океан – серый, суровый, неспокойный – стал вдруг хмуриться. Волны сталкивались, исходили белой слюной, с ревом бились о берег, будто не знали, куда девать силы. А потом затихали, распластываясь пенными языками, – и так до нового всплеска.

Прибой будто дразнил ее, звал в открытое море, но без Джоди она не отваживалась выйти на простор, да и назад пора. В небе на западе выросли гигантскими свинцовыми грибами грозовые облака, того и гляди лопнут.

До той минуты поблизости не было ни души – ни людей, ни лодок, и Киа удивилась, когда вышла в большое русло, а там, в тростниках, – мальчик, в такой же ветхой лодчонке, удит рыбу. Придется пройти от него совсем близко, футах в двадцати. Волосы у Киа были спутаны, на замурзанных щеках дорожки от слез – настоящее дитя болот.

Ни полупустой бак, ни близкая гроза не пугали ее так, как встреча с человеком, тем более с мальчишкой. Мама учила старших сестер остерегаться мальчишек: если ты беззащитна, мужчины превращаются в хищников. Киа, кусая губы, думала: “Что же мне делать? Мне же его не обогнуть”.

Краем глаза она посматривала на мальчишку. Худой, золотистые вихры выбиваются из-под красной кепки; постарше, лет одиннадцати-двенадцати. Киа подплыла к нему с каменным лицом, а он вдруг улыбнулся тепло и открыто и притронулся к кепке – так кавалер приветствует даму. Киа слегка кивнула, поддала газу и прошла мимо, глядя перед собой.

Цель была у нее одна – скорей добраться до знакомых мест, но где-то она, должно быть, свернула не туда и, дойдя до второй цепочки лагун, никак не могла отыскать протоку, что вела домой. Киа кружила и кружила возле корней дубов и зарослей мирта. В душу закрался страх. Все травянистые берега, песчаные косы, излучины казались теперь на одно лицо. Заглушив мотор, Киа поднялась, расставив пошире ноги, чтобы не упасть, вглядывалась в тростники, но ничего не увидела. Опустилась на сиденье. Заблудилась, и бензин вот-вот кончится. Да еще и гроза надвигается.

И отцовскими словами стала она проклинать брата за то, что уехал. “Чтоб тебя, Джоди! Чтоб ты сгорел! Чтоб у тебя дым повалил из задницы!”

Лодку тихонько повлекло по течению, и Киа всхлипнула. Облака, сгущаясь вокруг солнца, неслись над головой – грозовые.

но, бесшумно, закрывая небо, отбрасывая тени на прозрачную воду. Того и гляди начнется гроза, но это еще полбеды. Если она припозднится, Па может вернуться и поймет, что она взяла лодку. Киа повернула назад: вдруг тот мальчик еще не ушел?

Несколько минут – и вот он, поворот; впереди широкое русло, а возле дальнего берега – мальчик в лодке. Взлетели спугнутые цапли – цепочка белых флажков на фоне свинцовых туч. Киа впилась в мальчика взглядом. И подойти к нему страшно, и не подойти тоже. Наконец она пустилась поперек русла.

Мальчик, завидев ее, поднял голову:

– Привет!

– Привет! – Киа смотрела мимо него, в тростники за его плечом.

– Ты куда? – спросил он. – Надеюсь, не в открытое море. Гроза собирается.

– Нет, – отозвалась Киа, глядя в воду.

– Что-нибудь случилось?

У Киа перехватило горло от подступивших рыданий. Она кивнула, но слова не шли с языка.

– Заблудилась?

Киа снова кивнула. Нельзя реветь по-девчоночьи.

– Ничего. Я и сам все время здесь плутаю. – Он улыбнулся. – А я тебя знаю! Ты сестра Джоди Кларка.

– Бывшая. Он уехал.

– Все равно ты как была, так и осталась ему… – Он не договорил.

– А откуда ты его знаешь? – Киа метнула на мальчика быстрый взгляд.

– Мы с Джоди вместе рыбачили иногда. Я тебя видел несколько раз, ты еще маленькая была. Тебя ведь Киа зовут?

Киа опешила: кто-то знает ее по имени! Казалось, она обрела что-то новое, а от чего-то освободилась.

– Да. Знаешь дорогу? До моего дома?

– Кажется, знаю. Поплыли скорей! Вон какие тучи. За мной!

Он вытянул из воды удочку, смотал, завел мотор. На ходу помахал рукой, и Киа двинулась следом. Не спеша зайдя в нужную протоку, он оглянулся и, убедившись, что Киа тоже повернула, поплыл дальше. И так на каждом повороте, до цепочки дубовых лагун. Когда он свернул в темную протоку, что вела к дому, Киа поняла, где ошиблась, уж второй раз не промахнется.

Он вывел ее – хоть она и показала жестом, что дальше дорогу знает, – через ближнюю лагуну к берегу, где ютилась в лесу ее хижина. Киа свернула к поваленной сосне, привязала лодку. Он отплыл назад, встал, покачиваясь на волнах.

– Все хорошо?

– Ага.

– Ну, мне пора, а то гроза начнется.

Киа кивнула, а потом сказала, как учила мама:

– Спасибо.

– Да не за что. Меня зовут Тейт. Наверняка еще встретимся.

Киа не ответила.

– Ну пока!

Когда он повернул назад, на песок упали первые капли, и Киа подумала: “Сейчас польет как из ведра, вымокнет он до костей”.

Потом наклонилась к баку, потыкала камышинкой, прикрыв ладонью горлышко от дождя. Может, она и не умела считать деньги, зато твердо знала: бензин от воды надо беречь.

Бензину на донышке осталось. Па все поймет. Надо сбегать в “Синг Ойл” за новой канистрой, пока он не вернулся.

Киа знала, что хозяин “Синг Ойл”, мистер Джонни Лейн, называет ее семью “шваль болотная”, но ее не пугали ни он, ни ветер, ни течения. Теперь она только об одном мечтала – скорей вернуться туда, на простор, где вода, и трава, и небо. Одной ей было там страшно, но сейчас душа пела в радостном ожидании. Притягивало ее и кое-что еще: небывалое спокойствие того мальчика. Уверенность в каждом слове, в каждом движении. Легкость, непринужденность. Когда он был рядом – пусть даже не совсем рядом, а чуть поодаль, – ей легче дышалось. Впервые с тех пор, как ушли Ма с Джоди, она вздохнула свободно, до этого была лишь боль, а теперь вернулись и другие чувства. Ей нужна лодка, нужен тот

мальчик.

* * *

В тот же день, ближе к вечеру, Тейт Уокер шагал по городу с велосипедом. Вежливо кивнул мисс Пэнси в окошке “Кресса”, миновал “Вестерн Авто” и дошел до городской пристани. Вгляделся в морскую даль, поискал глазами отцовский креветочный катер “Вишенка” и наконец увидел его вдалеке – вот он, ярко-алый, раскинул широкие сети, словно крылья. Когда катер приблизился в облаке чаек, Тейт махнул и отец – плечистый рыжебородый верзила – поднял руку в ответ. Шкипер, как называли его в городке, бросил Тейту швартов, и Тейт, привязав катер, прыгнул на борт, помочь экипажу выгружать улов.

Шкипер потрепал Тейта по макушке.

– Как дела, сынок? Спасибо, что пришел!

Тейт улыбнулся, кивнул:

– А куда ж я денусь!

И пошла работа – матросы грузили в ящики креветки и таскали на причал, а между делом договаривались пропустить по стаканчику в “Конуре”, расспрашивали Тейта о школе. Шкипер, на голову выше остальных, поднимал три проволочных ящика в один присест, переносил через деревянный настил и отправлялся за новыми. Лапищи были у него медвежьи, костяшки разбиты в кровь. Не прошло и со-

рока минут – а палуба уже помыта, сети убраны, снасти увязаны.

Матросам Шкипер пообещал выпить с ними в другой раз, а сейчас надо кое-что починить – и домой. В рубке был пристегнут ремнями к стойке проигрыватель, Шкипер поставил пластинку на 78 оборотов, Милицу Корьюс, и прибавил звук. Вдвоем с Тейтом они спустились в тесное машинное отделение, и там при свете тусклой лампочки Тейт подавал отцу инструменты, а Шкипер смазывал детали, подкручивал гайки, а в воздухе плыли нежные, вдохновенные арии.[2]

Прапрадед Шкипера прибыл сюда из Шотландии в 1760-х, потерпел кораблекрушение у берегов Северной Каролины, и из тех, кто был на борту, один остался в живых. Вплавь добрался до Внешних отмелей, осел в здешних местах, женился и произвел на свет тринадцать детей. Многие вели свой род от того самого Уокера, но Шкипер[3] и Тейт с родней виделись редко, лишь когда выбирались на воскресные семейные пикники с куриным салатом и фаршированными яйцами, – совсем не то что при маме и сестре.

Наконец, уже в серых сумерках, Шкипер хлопнул Тейта по плечу:

– Дело сделано. Пора домой, ужинать.

---

[2] Милица Корьюс (1909–1980) – оперная певица (колоратурное сопрано) и актриса прибалтийского происхождения, номинирована на "Оскар" за роль в музыкальном фильме "Большой вальс" (1938).

[3] Внешние отмели (англ. *Outer Banks*) – 320-километровая полоса узких песчаных барьерных островов Северной Каролины.

С пристани они вышли на Главную улицу, а оттуда – на извилистую дорожку, что вела к их дому, двухэтажному, обшитому потемневшей кедровой дранкой, построенному еще в начале прошлого века. Оконные рамы были недавно побелены, а газон – широкий, почти до самого моря – аккуратно подстрижен. Но азалии и розовые кусты рядом с домом утопали в сорняках.

Стаскивая в прихожей желтые резиновые сапоги, Шкипер спросил:

– От бургеров небось уже тошнит?

– Готов их есть хоть каждый день!

Тейт за кухонной стойкой лепил из фарша котлеты и складывал на блюдо. Со снимка у окна улыбались его мать и сестра Кэриэн, обе в кепках. Кэриэн не расставалась с любимой кепкой "Атланта Крекерз", всюду ходила в ней.

Тейт отвел взгляд от снимка и принялся нарезать кружочками помидоры, помешивать фасоль. Если бы не он, обе были бы рядом. Мама отбивала бы курицу, Кэриэн вырезала бы формочками печенье.

Бургеры у Шкипера, как обычно, слегка подгорели, зато вышли толстые, с телефонную книгу небольшого городка, и сочные внутри. Оба проголодались и вначале ели молча, потом Шкипер стал расспрашивать Тейта о школьных делах.

– С биологией все у меня хорошо, мне нравится, а по английскому изучаем поэзию. Скукотища, стихи учить заставляют. Ты мне читал когда-то вслух, но я все позабывал.

– Есть у меня в запасе стихотворение, сынок, – ответил Шкипер. – Мое любимое – Роберт Сервис, “Кремация Сэма МакГи”. Маме оно нравилось. Когда я читал, она смеялась, и никогда ей не надоедало.

Тейт, вспомнив про маму, опустил голову, стал размазывать по тарелке фасоль.

Шкипер продолжал:

– Ты не думай, что поэзия – это для неженок. Есть, конечно, и слюнявые стишки про любовь, но есть и смешные, и о природе, и про войну. На то и нужна поэзия, душу бередить.

Отец не раз говорил Тейту, что настоящий мужчина не стыдится слез, всем сердцем чувствует поэзию и оперу и способен защитить женщину. Шкипер скрылся в гостиной, крикнул оттуда:

– Раньше я его наизусть помнил почти целиком, а теперь уже нет. Но вот, нашел, сейчас тебе прочту.

Он вернулся за стол и начал читать. Когда он дошел до строк:

> …но в пылающей топке Сэм спокойно сидел внутри.
> Улыбаясь слегка, он издалека крикнул мне: “Дверь затвори!
> Здесь тепло весьма, но кругом – зима, как бы снегу не намело.
> Как в минуту сию, лишь в родном краю было мне так же

тепло", –[4]

оба прыснули.

– Мама твоя в этом месте всегда смеялась.

Вспомнив, оба улыбнулись. Посидели, помолчали. Потом Шкипер предложил: я помою посуду, а ты, Тейт, садись за уроки. У себя в комнате, листая сборник в поисках стихотворения, которое можно прочесть в классе, Тейт наткнулся на балладу Томаса Мура:

…к Унылой Топи ушла она
И всю ночь в огнях светляков одна
В каноэ белом гребет.
Я скоро увижу ее светляков,
Услышу всплески весла,
И мы будем вдвоем, а при звуке шагов
Я найду ей в ветвях кипариса кров,
Чтобы смерть ее не нашла.[5]

Ему тотчас вспомнилась Киа, младшая сестра Джоди. Там, среди болот, она казалась такой маленькой, беззащитной. Тейт представил, будто это его сестра заблудилась на болоте. Прав отец – на то и поэзия, чтобы душу бередить.

---

[4] Перевод Е. Витковского.

[5] Томас Мур, "Озеро Унылой Топи", перевод З. Морозкиной.

7
Рыболовный сезон 1952

В тот же вечер, после того как мальчик с удочкой проводил ее через болото домой, Киа сидела, скрестив ноги, в своей постели на веранде. Дождь прекратился, и сквозь залатанную сетку просачивался туман, холодил лицо. Киа думала о мальчике. Он как Джоди, сильный и при этом добрый. Она давно уже ни с кем не разговаривала, кроме отца да иногда миссис Синглтри, кассирши из "Пигли-Вигли". Та с недавних пор взялась учить ее различать монеты – четвертаки, пятаки, десятицентовики, а пенни Киа и так ни с чем не спутает. Но миссис Синглтри любила совать нос не в свое дело.

– Детка, скажи, как тебя все-таки зовут? А мамы твоей почему не видно? Не встречала ее с тех пор, как репа взошла.

– Ма по дому хлопочет, а меня за покупками посылает.

– Да, детка, но покупок твоих так и так на семью не хватит.

– Мэм, мне пора, маме срочно нужна крупа.

Киа всячески избегала миссис Синглтри и, если могла, подходила к другой кассирше – та ни о чем не расспрашивала, только ворчала: мол, в магазин босиком заходить нельзя. Киа подумывала ответить, что брать виноград ногами не станет. Да и кому он нужен, такой дорогущий?

Время шло, и Киа не с кем было словом перемолвиться, разве что с чайками. Договориться бы как-нибудь с Па, чтобы давал ей лодку. На болоте можно собирать перья, ракушки, а если повезет, и мальчика того встретить. С ним можно было бы плавать по протокам, бродить по торфяникам. Для него она, конечно, еще малявка, зато у него есть чему поучиться, болото он знает вдоль и поперек. Друзей у нее никогда не было, но она понимала, зачем нужны друзья, тянулась к людям.

Машины у Па не было. В лодке он и рыбачил, и в город мотался, и пробирался извилистыми протоками в "Болотные огни", задрипанный бар и картежный притон в камышах, соединенный с сушей шаткими мостками. Обшитый досками, крытый листами железа, со множеством пристроек, он стоял на сваях, как избушка на курьих ножках, и весь шатался. И туда, и в другие места Па добирался на лодке, лишь изредка ходил пешком – с чего вдруг он даст ей лодку?

Но братьям-то давал, когда та была ему не нужна, – братья ловили на ужин рыбу, вот в чем секрет. Киа рыбалкой не увлекалась, но, может быть, предложить Па взамен что-то другое? Скажем, стряпать, больше помогать по дому, пока Ма не вернется.

Дождь почти перестал, только изредка упадет капля на лист, и тот дрогнет, будто кошка ухом повела. Киа вскочила, вычистила шкафчик-холодильник, отдраила шваброй грязный фанерный пол на кухне, соскребла с замызганной пли-

ты остатки каши. Наутро чуть свет она выстирала отцовское постельное белье, пропахшее потом и виски, и развесила сушить на пальмах. Заглянула в комнату братьев, размером с чулан, вымела пол, вытерла пыль. В тумбочке лежала гора грязных носков, а на полу, на засаленных матрасах, – пожелтевшие комиксы. Киа пыталась вспомнить лица братьев, их ноги в носках, но видела их будто сквозь дымку. Даже Джоди не могла вспомнить, вспыхнут на миг его глаза – и подернутся туманом.

На другое утро, прихватив канистру в один галлон, Киа отправилась песчаными тропами в "Пигли" и там купила спичек, говяжьих костей и соли. Сэкономила двадцать центов. "Обойдусь без молока – бензин нужнее".

Киа остановилась у заправки "Синг Ойл" на самом краю Баркли-Коув, в сосновой рощице; вокруг заправки громоздились на бетонных блоках ржавые грузовики, валялся железный лом.

Мистер Лейн еще издали приметил Киа.

– А ну кыш, попрошайка! Рвань болотная!

– У меня деньги есть, мистер Лейн. Мне нужен бензин и масло для папиной моторки. – Киа протянула два десятицентовика, два пятака и пять пенни.

– Ради такой мелочи не стоит и напрягаться, ну да ладно, давай сюда свою посудину. – Мистер Лейн взял у нее покоробленную квадратную канистру.

В ответ на ее "спасибо" он что-то буркнул. Путь домой вы-

шел долгим – с каждой милей покупки наливались тяжестью. Наконец, очутившись на берегу лагуны в тени деревьев, Киа вылила в бак бензин и принялась мыть лодку и чистить мокрым песком до блеска.

* * *

Когда пошел четвертый день, а Па все не появлялся, Киа стала его высматривать. Ближе к вечеру в душу закрался леденящий страх, каждый вдох давался с трудом. И снова глядела она на дорогу. Скорей бы Па вернулся, хоть он и злющий. Наконец вечером он показался на разбитой песчаной тропе. Киа бросилась в кухню, положила ему в тарелку гуляш из говяжьих костей с листовой горчицей и кукурузной крупой. Соус она готовить не умела, просто отлила мясного бульону с белыми жиринками в банку из-под варенья. Тарелки были разномастные, щербатые, но Киа накрыла на стол по всем правилам, как Ма учила: вилка слева от тарелки, нож – справа. И стала ждать, прижавшись спиной к холодильнику, будто сбитый аист, распластанный посреди дороги.

Па толкнул дверь, в три широких шага пересек жилую комнату и скрылся в своей спальне, на кухню даже не заглянул и Киа не окликнул. Как обычно. Вот стукнул об пол чемодан, заскрипели ящики комода. Па, конечно, заметит и свежие простыни, и чисто выметенный пол. Не увидит, так унюхает.

Через минуту-другую он сунул голову в кухню – а там накрыт стол, дымятся тарелки. Он посмотрел на Киа, прижавшуюся спиной к холодильнику, и они обменялись взглядами, будто видели друг друга впервые.

– Эй, пташечка ты моя, что это? Ты будто раз – и выросла! Стряпаешь и все такое! – Он не улыбнулся, но лицо было умиротворенное. Он весь оброс, тусклые волосы свисали сосульками. Зато трезвый, Киа сразу поняла.

– Да. Я еще и хлеб кукурузный испекла, да только вышел он невкусный.

– Все равно спасибо. Вот умница! Ох и вымотался я! И жрать охота, целого кабана бы съел!

Он выдвинул стул и сел, а следом Киа. Молча накладывали они в тарелки еду, обгладывали с костей волокнистое мясо. Па принялся высасывать позвонок, небритые щеки жирно лоснились. Кости он обгладывал до блеска.

– Наваристая штука, это вам не лист капустный на хлеб положить! – нахваливал он.

– Жаль, хлеб не удался. Наверно, соды недоложила, а яиц переложила. – Киа отвыкла свободно разговаривать, но и замолчать уже не могла. – У Ма вкусный получался, а я не запоминала, как его печь… – Тут Киа осеклась: не стоит говорить о Ма.

Отец придвинул к ней тарелку:

– Добавка есть?

– Да, сколько хочешь.

– А хлебца брось прямо сюда, сверху. Люблю бульон вымакивать, а хлебец твой, уж как пить дать, будет в самый раз – дырчатый, как оладушки!

Положив ему добавки, Киа улыбнулась про себя. Кто бы мог подумать, что их сблизит кукурузный хлеб!

Но теперь, поразмыслив, она вдруг испугалась: если попросить у Па лодку, он решит, что она только ради этого старалась. Изначально, конечно, так и было, но сейчас все по-другому. Ей нравилось сидеть с ним за столом по-семейному. И так и тянуло поговорить.

И она не стала выпрашивать лодку, а сказала:

– Возьмешь меня когда-нибудь на рыбалку?

Па расхохотался, грубовато, но по-доброму, – впервые с тех пор, как ушла Ма и остальные.

– На рыбалку хочешь?

– Еще бы!

– Ты же девчонка! – отозвался он, уткнувшись в тарелку и обгладывая кость.

– Да, твоя дочь!

– Ладно уж, возьму как-нибудь.

Наутро Киа неслась сломя голову по песчаной тропе, растопырив руки, пуская пузыри. Взлететь бы над болотом и высматривать птичьи гнезда, а потом взмыть еще выше, парить бок о бок с орлами! У нее не руки, а крылья, – распластать бы их и подниматься, ловить потоки воздуха! Вдруг голос Па вернул ее на землю. Крылья поникли, сердце оборвалось.

Видно, Па понял, что она брала лодку! Киа уже представила, как он лупит ее веслом. Надо затаиться, дождаться, когда он будет пьян, тогда он ее нипочем не найдет. Но Киа стояла посреди тропы, на самом виду, и Па был уже тут как тут, с шестом и удочками, и махал ей: сюда! Киа подошла поникшая, испуганная. На дне лодки валялись снасти, а под сиденьем – мешок с запасом кукурузного виски.

– Залазь, – небрежно бросил Па.

Киа ни обрадоваться не успела, ни поблагодарить – увидев его пустые глаза, она притихла, забралась в лодку и уселась на носу, глядя перед собой. Па завел мотор, и они пустились вдоль протоки, петляя в камышах, и Киа старалась запомнить все приметы – каждую корягу, каждый пень. В тихой заводи Па приглушил мотор и знаком велел ей перебраться на среднее сиденье.

– Ну-ка выцарапай из банки пару червей, – процедил он, не выпуская изо рта самокрутки. И стал учить Киа, как насадить на крючок червяка, как размотать леску, закинуть удочку. Казалось, он уворачивался как мог, лишь бы не коснуться ее ненароком. Говорили они только о деле, на пустую болтовню не отвлекались, не улыбались, но рыбалка их сплотила. Па отхлебнул виски, но потом за хлопотами позабыл о бутылке.

Киа втайне надеялась, что ничего не поймает, но когда леска у нее натянулась, она дернула удочку, а на крючке бился лещ, сверкая серебристо-голубой чешуей. Па опустил его

в сачок и, откинувшись на сиденье, захлопал в ладоши, закричал – никогда прежде Киа не видела, чтобы он так ликовал. Киа просияла, их взгляды встретились, вспыхнули радостью.

Пока лещ бился на дне лодки, Киа разглядывала то облака, то цепочку пеликанов на горизонте, лишь бы не смотреть в глаза умирающей рыбе, не видеть, как та разевает рот. Зато теперь она обрела хотя бы подобие семьи, а ради этого стоило помучиться и ей, и рыбе. Рыбу, конечно, жаль, но все-таки…

Под вечер солнце потускнело до масляного цвета, и они не заметили, как плечи у них сами собой ссутулились, руки ослабли.

На другой день они снова пошли рыбачить, и в сумрачной лагуне Киа заметила на воде мягкие пуховые перья виргинского филина. Концы их были загнуты вверх, перья покачивались на волнах, как крохотные оранжевые лодочки. Киа выловила их и сунула в карман. В тот же день она нашла на ветке брошенное гнездо колибри и припрятала под сиденьем на носу лодки.

Вечером Па приготовил ужин – поджарил рыбу, обваляв в кукурузной муке с черным перцем, и подал с кашей и зеленью. После ужина, когда Киа мыла посуду, Па принес в кухню свой старый армейский рюкзак и прямо с порога небрежно бросил на стул. Рюкзак сполз на пол, Киа вздрогнула, обернулась.

– Это тебе, для твоих перьев, гнезд и прочей ерунды.

– Ой… – удивилась Киа. – Ой, спасибо.

Но Па уже вышел на веранду. Киа взяла потрепанный рюкзак – парусиновый, с потайными кармашками и прочными молниями, сшитый на века, – и уставилась в окно. Па ей никогда ничего не дарил.

* * *

Погожими зимними днями, а весной и вовсе каждый день, Киа с Па выходили на рыбалку, то ближе, то дальше; ловили на блесну, на спиннинг. И в заливе, и по берегам ручьев Киа высматривала того мальчика, Тейта, – вдруг он снова здесь рыбачит? Вспоминала его, мечтала с ним подружиться, но не знала как, не знала даже, где его искать. А однажды они с Па зашли за поворот, а он там, с удочкой, – на том самом месте, где они встретились в прошлый раз. Тейт тут же заулыбался, помахал. Киа недолго думая подняла руку и махнула в ответ – еще немного, и улыбнулась бы. Но тут же опустила руку, встретив непонимающий взгляд Па.

– Это друг Джоди, – объяснила она.

– Ты здесь смотри поосторожней с чужими, – предупредил Па. – В лесу полно всякого сброда. Всюду проходимцы, куда ни плюнь.

Киа кивнула, хотела оглянуться еще раз на мальчика, но так и не решилась. И сразу встревожилась: вдруг он счел ее

грубой?

Болото Па знал вдоль и поперек, как ястреб знает родной луг, – где охотиться, где прятаться, как отвадить чужаков. И когда Киа с горящими глазами сыпала вопросами, он рассказывал о гусиных перелетах, о рыбьих повадках, учил предсказывать погоду по облакам и распознавать прибрежные течения.

Иногда Киа набивала рюкзак едой, и на закате они ужинали хрустящим кукурузным хлебом с кольцами лука; хлеб Киа научилась печь весьма недурно. Случалось, Па забывал виски и они пили чай из стеклянных банок.

– Знаешь, наш род не всегда был такой бедный, – заговорил как-то Па, когда они, сидя под дубом, удили рыбу в бурой лагуне; над водой толклась мошкара. – Были у нас земли плодородные, растили и табак, и хлопок, и много чего еще. Близ Эшвилла. Бабушка твоя, моя мать, щеголяла в длинных юбках, а шляпки носила здоровенные, с колесо. Жили мы в двухэтажном особняке, с верандой во всю стену. Одно слово, роскошь!

Бабушка. Киа раскрыла рот. Где-то у нее есть – или была когда-то – бабушка. Где же она сейчас? Так и тянуло спросить, что с ними со всеми сталось, но не хватило духу.

А Па продолжал, будто сам с собой разговаривал:

– А потом все пошло наперекосяк. Я был тогда еще малец, не помню ничего, знаю только, что началась Великая депрессия, хлопок сожрали долгоносики, и все пропало. И остались

мы в долгах по самые уши.

Киа пыталась по этим обрывкам воссоздать его прошлое. О мамином прошлом речи не шло – Па приходил в ярость, стоило заговорить о том, как жили они до рождения Киа. Она знала, что мамина семья была откуда-то издалека, там Ма покупала в магазинах платья с перламутровыми пуговками, атласные ленты, кружева. Когда они перебрались в хижину, Ма спрятала платья в сундуки и раз в несколько лет доставала одно и превращала в будничное – новые покупать было не на что. А теперь и наряды, и их история сгинули; все спалил Па после ухода Джоди.

Они порыбачили еще немного, глядя в неподвижную воду, припорошенную нежной желтой пыльцой, и Киа уже и не надеялась на продолжение рассказа, но Па добавил:

– Возьму тебя как-нибудь с собой в Эшвилл, покажу тебе землю, что была когда-то нашей и стала бы твоей.

Вскоре он выдернул из воды удочку:

– Глянь, детка, ну и чудище я выловил – что в твоей Алабаме!

В хижине они нажарили рыбы и кукурузных оладий “с гусиное яйцо”. После ужина Киа разобрала свои сокровища: насекомых пришпилила на картонки, а перья развесила на стене дальней спальни – красота, да и только! А потом, лежа в постели на веранде, слушала, как шумят сосны. Закрыла глаза и вновь широко открыла. Па назвал ее “детка”!

8
Со знаком минус
1969

Закончив работу на пожарной вышке, шериф Эд Джексон и его помощник Джо Пардью проводили Перл, вдову Чеза, и его родителей, Патти Лав и Сэма, в прохладную больничную лабораторию, служившую заодно и моргом, где на железном столе под простыней лежал Чез. Прощание. Но ни одна жена, ни одна мать не вынесет такого холода и ужаса. Обеих женщин пришлось увести.

В кабинете шерифа Джо сказал:

– Что ж, хуже некуда…

– Еще бы. Не знаю, как люди живут после такого.

– Сэм ни слова не проронил. Он и всегда-то был угрюмый, а уж это его доконает.

Говорят, что прибрежное болото и бетонную плиту сожрет на завтрак – кабинет шерифа, надежный как бункер, и тот не устоял. Внизу на стенах темнели разводы с кристалликами соли, а к потолку, словно сеть сосудов, поднимались черные прожилки плесени. По углам притаились крохотные бурые грибы.

Шериф достал из нижнего ящика стола бутылку виски, плеснул обоим по двойной порции в кружки из-под кофе.

Они потягивали не спеша, а солнце, золотисто-медовое, как бурбон, садилось в море.

* * *

Спустя четыре дня к шерифу в кабинет ворвался Джо, размахивая бумагами:

– Пришли первые результаты экспертизы.

– Дай-ка взглянуть.

Они сели друг против друга за рабочий стол и уткнулись в бумаги. Джо то и дело хлопал по столу ладонью, охотясь за мухой.

Эд прочитал вслух:

– “Установлено, что смерть наступила в ночь с 29 на 30 октября 1969 года, между двенадцатью и двумя часами”. Как мы и думали. – Через минуту он оторвался от бумаг: – Все данные у нас со знаком минус.

– Это верно. Не за что уцепиться, шериф.

– Никаких отпечатков пальцев ни на перилах, ни на решетках – только ребячьи, до третьего пролета. Ни Чеза, ни чьих-то еще. – Шериф с утра не побрился, и на румяном лице проступала темная щетина.

– Значит, кто-то их стер. Дочиста. Иначе почему ни на перилах, ни на решетке нет отпечатков Чеза?

– Вот-вот. Сначала следов не нашли – а теперь и отпечатков пальцев. Нет никаких доказательств, что он перешел

болото, поднялся по лестнице, открыл наверху две решетки – ту, что над лестницей, и вторую, куда провалился. Или что там был кто-то другой. Но данные со знаком минус тоже о чем-то говорят. Или кто-то все тщательно прибрал, или его убили в другом месте, а тело перевезли к вышке.

– Но если бы перевезли, были бы следы шин.

– Да, надо вернуться, поискать следы. Вдруг мы что-то пропустили? Правда, там сейчас наши и "скорой". Словом, теперь я уверен, что это не несчастный случай.

Джо закивал:

– Согласен, не всякий способен подчистую уничтожить следы.

– Есть хочется. Может, в закусочную?

– Готовься, нас там караулят. Весь город переполошился. Убийство Чеза Эндрюса – это не шутка, самое громкое дело в здешних краях – может, за всю историю. Слухи расползаются как дым из дымовой шашки.

– Что ж, держи ухо востро. Может, кто и проболтается. У здешних язык что помело.

Фасад закусочной, смотревший на гавань, был почти сплошь стеклянный, с противоураганными ставнями. Здание, построенное в 1889-м, отделял от скользких ступеней пристани лишь узкий проход. Под окнами валялись брошенные корзины для креветок и скомканные рыболовные сети, тротуар был усеян ракушками. И всюду чаячьи крики да чаячий помет. Аромат сосисок, выпечки, зелени и жареных

цыплят, к счастью, заглушал неистребимую вонь от рыбных бочек, стоявших рядами вдоль пирса.

Шериф открыл дверь, и навстречу полился гул голосов. Мягкие красные диваны с высокими спинками оказались сплошь заняты, как и почти все столики. Джо указал на два пустых табурета возле лимонадной стойки.

На подходе они услышали, как мистер Лейн из "Синг Ойл" говорит механику-дизелисту:

– Это не иначе как дело рук Ламара Сэндза. Помнится, он как-то застукал свою благоверную с Чезом, прямо на палубе шикарного Чезова катера. Вот вам и мотив, вдобавок Ламар с законом не в ладах.

– То есть как – не в ладах?

– Он был в той шайке, которая шерифу шины проколола.

– Это они по молодости, по глупости.

– Была и еще история, не помню какая.

За стойкой сновал туда-сюда Джим Бо Суини, хозяин, он же повар, – то перевернет на сковороде крабовые котлеты, то помешает в кастрюле кукурузу в сливочном соусе, то заглянет во фритюрницу, проверит, как там куриные бедрышки. А между делом успевал подавать гостям доверху наполненные тарелки. Говорят, он мог одной рукой тесто месить, другой сома потрошить. А несколько раз в год подавал свое знаменитое фирменное блюдо – жаренную на углях камбалу, фаршированную креветками, с острым плавленым сыром. Славился он на всю округу и в рекламе не нуждался.

Пробираясь к стойке, шериф с помощником услышали обрывки разговора мисс Пэнси Прайс, кассирши из “Кресса”, с подругой:

– Это, должно быть, та девица с болота. Чокнутая, дурдом по ней плачет. Она еще не то может сотворить…

– Что ты болтаешь? Она-то тут при чем?

– Говорят, она когда-то путалась с…

Когда шериф с помощником подошли к стойке, Эд сказал:

– По бутерброду на вынос – и скорей отсюда. Нельзя нам в эти сплетни втягиваться.

9
Скок
1953

Сидя на носу, Киа смотрела, как по поверхности воды подбирается к лодке туман, тянет к ней свои лапы. Сначала над головой плыли рваные облачка, а вскоре ее с Па окутала сизая мгла, только и слышно, как мотор тихонько потрескивает: тик-тик-тик! Спустя несколько минут сквозь дымку запестрело вдруг что-то, завиднелась ветхая пристань с заправкой и показалось, будто это она плывет им навстречу, а лодка стоит неподвижно. Па подрулил к причалу, лодка легонько стукнулась о настил. Киа была здесь второй раз в жизни. Хозяин, черный старик, подскочил и бросился навстречу – за эту привычку его и прозвали Скоком. Белые бачки и волосы с проседью обрамляли его широкое доброе лицо с круглыми, как у совы, глазами. Высокий и сухонький, он болтал без умолку, вечно улыбался или смеялся на свой манер – запрокинув голову, не разжимая губ. Ходил он не в комбинезоне, как все здешние работяги, а в наглаженной голубой рубашке с воротником на пуговках, носил куцые черные брюки и рабочие ботинки, а иногда, в самый зной, – драную соломенную шляпу.

Его заправка с рыболовным магазинчиком ютилась на

шатком причале. Через заводь был протянут трос футов в сорок и крепко привязан к ближайшему дубу. И причал, и хибару сколотил из кипарисовых досок еще прадед Скока, в незапамятные времена, до Гражданской войны.

Три поколения прибивали на стены лавчонки яркие металлические таблички – "Виноградный лимонад", "Кола «Ройял Краун»", "Сигареты «Кэмел»" – и номерные знаки автомобилей Северной Каролины, и эту пестроту видно было с моря даже сквозь густой туман.

– Здрасьте, мистер Джейк! Как житье-бытье?

– Жив-здоров, пока не подох, – ответил Па.

Скок рассмеялся заезженной фразе, будто слышал ее впервые в жизни.

– И дочурку прихватили! Вот и славно!

Па кивнул. И добавил, чуть с опозданием:

– Да, это дочка моя, мисс Киа Кларк.

– Рад познакомиться, мисс Киа!

Киа, опустив взгляд на свои босые ноги, подыскивала слова, но ничего в голову не приходило.

Скок как ни в чем не бывало продолжал:

– Славная рыбалка нынче! – И спросил у Па: – Вам лодку заправить, мистер Джейк?

– Да, полный бак!

Они говорили о погоде, о рыбалке, снова о погоде, пока бак не наполнился доверху.

– Ну, хорошего дня! – пожелал Скок, помогая Па отвязать

лодку.

Па плавно вырулил в яркую синеву – солнце разогнало туман быстрее, чем Скок залил бензин. Не спеша обогнули поросший сосняком полуостров и, пройдя еще несколько миль, приплыли в Баркли-Коув, где отец пришвартовался к деревянному причалу с глубокими отметинами от тросов. Рядом суетились рыбаки, грузили рыбу, увязывали снасти.

– Ну что ж, отведаем ресторанных харчей, – сказал Па и повел Киа вдоль пирса к городской закусочной.

Никогда в жизни Киа не пробовала ресторанной еды, даже не заходила сюда ни разу. С бьющимся сердцем смахнула она засохшую грязь с куцых штанов на лямках, пригладила спутанные волосы. Когда отец открыл дверь, все застыли с набитыми ртами. Кое-кто из мужчин небрежно кивнул, женщины хмурились и отворачивались. Кто-то буркнул: “Читать не умеют – написано же черным по белому: «Вход босиком запрещен»”.

Па поманил Киа за столик у окна с видом на пристань. Прочесть меню Киа не могла, но Па все ей перечислил, и она выбрала жареную курицу, картофельное пюре с подливкой, белую фасоль и печенье – воздушное, как свежесобранный хлопок. Па заказал креветки во фритюре, кукурузную кашу с сыром, окру и жареные зеленые помидоры. Официантка поставила перед ними блюдо с кусочками сливочного масла на колотом льду, корзинку с кукурузным хлебом и печеньем и два больших стакана сладкого чая со льдом. На десерт при-

несли ежевичный пирог с мороженым. Киа объелась чуть ли не до тошноты, но была довольна.

Пока Па расплачивался у кассы, Киа вышла на тротуар, где с залива несло рыбой. Остатки курицы и печенья она завернула в жирную салфетку и взяла с собой. Карманы штанов были набиты крекерами, что бесплатно положила на столик официантка.

– Привет! – раздался сзади тоненький голосок, Киа обернулась и встретилась глазами с девочкой лет четырех, в льняных кудряшках.

На девочке было голубое платье. Она протянула руку, такую мягкую, нежную – Киа в жизни не видала ничего чище. Эта ладошка наверняка не знает хозяйственного мыла, а грязи под розовыми ноготками отродясь не было. В глазах малышки Киа увидела свое отражение – девочка как девочка.

Киа переложила сверток в левую руку, а правую нерешительно протянула.

– А ну кыш отсюда! – Из дверей обувного магазина "Бастер Браун" вылетела миссис Тереза Уайт, жена священника-методиста.

Религией в Баркли-Коув потчевали исправно. На весь крохотный городишко целых четыре церкви, и это не считая трех для черных.

Пасторов, проповедников и, конечно, их жен здесь уважали, и те одевались и вели себя соответственно. Тереза Уайт носила белые блузки, юбки пастельных тонов, туфли и су-

мочки той же гаммы.

Она подлетела к дочери, сгребла ее в охапку. И, поставив девочку на тротуар подальше от Киа, присела подле нее на корточки.

– Мэрил Линн, солнышко, не подходи к этой чумичке, слышишь?!

Киа смотрела, как мать перебирает девочке кудри; от нее не укрылось, как долго глядели они друг другу в глаза.

Из "Пигли-Вигли" вышла женщина и поспешила к ним.

– Что такое, Тереза? Что у вас тут случилось? Эта паршивка пристает к Мэрил Линн?

– Вовремя я ее увидела! Спасибо, Дженни. В городе этим оборванцам не место. Взгляни на нее! Неряха! Безобразие форменное! Сейчас ходит кишечный грипп, наверняка это они заразу разносят. Год назад был случай кори, а это не шутки, и все от них. – И Тереза, подхватив девочку на руки, быстро двинулась прочь.

Тут вышел Па с бутылкой пива в буром бумажном пакете, окликнул Киа:

– Чем ты там занята? Отчаливать пора, отлив на носу!

Киа догнала его, и всю дорогу до дома она видела перед собой мать и дочь – девочкины кудряшки, их взгляды.

Па по-прежнему пропадал иногда на несколько дней, но уже реже. А когда возвращался, то не валился мешком на кровать, а садился за стол, разговаривал с Киа. Как-то вечером они играли в джин, и Па хохотал во всю глотку всякий

раз, когда она выигрывала, а Киа хихикала, прикрывая ладонью рот, по-девчоночьи.

* * *

Выходя на крыльцо, Киа всегда первым делом смотрела на песчаную дорогу, не покажется ли Ма, хоть весна была уже на исходе и отцветали дикие глицинии, а Ма ушла еще в конце прошлого лета. В туфлях под крокодиловую кожу. Теперь они с Па вместе рыбачат и разговаривают – может, получится снова зажить семьей? Раньше Па их всех поколачивал, обычно спьяну. Но мог держаться несколько дней, и тогда они всей семьей ужинали куриным рагу, а однажды запускали на пляже воздушного змея. А потом он напивался – и крики, драки. Некоторые подробности засели у Киа в памяти. Однажды Па на кухне припер Ма к стене и бил, покуда не повалил на пол. Киа, рыдая, умоляла его перестать, хватала за руки, а он сгреб Киа за плечи, рявкнул: “Снимай штаны!” – и прижал ее к кухонному столу. Рывком вытащил из брюк ремень и выпорол. Киа, конечно, не забыла жгучей боли, но почему-то еще явственней помнила спущенные джинсы, складками собравшиеся вокруг тонких лодыжек. А Ма, скорчившись на полу у печи, рыдала в голос. Из-за чего они тогда разругались, Киа не знала.

Но если Ма вернется сейчас, когда Па присмирел, – вдруг они могли бы начать все заново? Киа никогда не думала, что

Ма уйдет, а Па останется, уж скорее, наоборот. Но ведь Ма ее не бросила навсегда, если она жива-здорова, то, значит, вернется. Киа как сейчас помнила, как Ма подпевает певцам по радио, раскрывая пухлые алые губы, слышала как наяву ее слова: “Слушай внимательно мистера Орсона Уэллса, он человек культурный, и речь у него правильная. Никогда не говори «чё», такого слова нет”.

Ма рисовала маслом и акварелью болотные пейзажи, закаты – сочными красками, будто взятыми у самой земли. Все нужное для рисования она привезла с собой, да кое-что покупала в “Крессе”. Иногда Ма разрешала ей рисовать на бурых бумажных пакетах из “Пигли-Вигли”.

* * *

В тот же рыболовный сезон, душным сентябрьским полднем, Киа подошла к почтовому ящику в конце тропинки. Перебирая рекламные листовки, она остолбенела, увидев голубой конверт, подписанный опрятным маминым почерком. На платанах уже понемногу желтели листья – как год назад, когда Ма ушла. За весь год ни слуху ни духу, и вдруг – письмо. Киа глянула на конверт, поднесла его к свету, провела пальцем по изящным наклонным буквам. Сердце стучало как молот.

Ма жива. Живет себе где-то далеко. Что ж она не едет домой?

Хотелось распечатать письмо, но прочесть она могла только свое имя, а его на конверте не было.

Киа влетела в хижину, Па не было – уплыл куда-то на лодке. И она поставила конверт на стол, прислонила к солонке, так он точно заметит. Она варила фасоль с луком, то и дело косясь на письмо – вдруг исчезнет?

Каждые несколько секунд Киа подбегала к окну и прислушивалась, не тарахтит ли лодочный мотор. И вдруг, прихрамывая, поднялся на крыльцо Па. Храбрость ее мигом улетучилась, и Киа прошмыгнула мимо него, на бегу крикнув: я в туалет, ужин почти готов! И юркнула в зловонную уборную, сердце ее колотилось как бешеное. Встав на шаткий деревянный помост, Киа смотрела сквозь полукруглую щелку в двери, не зная, чего ждать.

Тут хлопнула дверь веранды, Па быстрым шагом прошел в сторону лагуны. С мешком в руках сел в лодку и уплыл куда-то. Киа припустила обратно к дому, вбежала в кухню, но письма и след простыл. Киа выдвигала ящики отцовского комода, шарила в тумбочке. *Ма и мне писала, не тебе одному!* Вернувшись на кухню, Киа заглянула в мусорное ведро и увидела клочки сожженного письма, голубые с черной каймой. Выудила ложкой черно-голубые ошметки, ссыпала горкой посреди стола. Перерыла весь мусор – вдруг на дне ведра хоть что-то уцелело? Нет, ничего, кроме луковой шелухи и серой золы.

Сидя за столом и слушая, как весело булькает в чугунке

фасоль, Киа смотрела на горку пепла.

Его касались мамины руки. Может, Па расскажет, что она написала. Нет, глупости. Скорее наше болото снегом занесет.

Даже почтовая марка, и та исчезла. Теперь неоткуда узнать, где сейчас Ма. Киа сложила обрывки в баночку и спрятала в коробку из-под сигар, которую хранила возле постели.

* * *

Па не вернулся ни в ту ночь, ни утром, а когда наконец явился, то пьяный, как в прежние времена. Когда Киа, собравшись с духом, спросила про письмо, он рявкнул:

– Не твое дело! – И добавил: – Да ты чё, не вернется она, и думать забудь. – И, схватив мешок, заковылял к лодке.

– Неправда! – крикнула ему в спину Киа, уперев в бока сжатые кулачки. И, проводив его глазами, бросила вслед, глядя на пустую лагуну: – "Чё" – такого слова нет!

Все-таки зря она не открыла письмо сама, показала Па. Надо было сохранить мамины слова, чтобы когда-нибудь прочесть, а Па ничего не узнал бы, и это к лучшему.

Больше Па ее на рыбалку не брал. В ту осень выпало лишь несколько теплых деньков, низкие тучи раздвинулись ненадолго – и вновь наглухо закрыли солнце.

* * *

Киа забыла, как надо молиться. Если сжать руки и зажмурить глаза покрепче, что-нибудь от этого изменится? “Может быть, если я стану молиться, Ма и Джоди вернутся домой. Даже с криками и руганью жилось лучше, чем сейчас, – тошнит уже от этой каши с комками”.

Она напевала перевранные строчки из гимнов – *Он приходит ко мне, когда розы в росе*, – только это воспоминание и осталось у нее о белой церквушке, куда ее несколько раз водила Ма. В последний раз они там были на Пасху, в тот год, когда Ма ушла, но запомнился ей не праздник, а крики и кровь – кто-то упал, они с Ма побежали, – лучше и вовсе не вспоминать.

Киа глянула сквозь листву на мамину грядку с репой и кукурузой – все заросло травой. О розах и речи нет.

Забудь. Никакой Бог к нам в сад не заглянет.

10
Былинка на ветру
1969

Песок хранит тайны надежней ила. Шериф бросил свой пикап, не доезжая до пожарной вышки, чтобы не испортить следов, оставшихся с той ночи. Но когда они шагали по песчаной дороге, высматривая следы шин, то вместо отпечатков ног оставляли за собой на песке бесформенные ямки.

А ближе к вышке, на влажном иле, перед ними развернулась целая летопись: вот петляла самка енота, а следом – четверо детенышей; вот кружевной след улитки, смазанный медведем; вот отпечаток, похожий на неглубокую гладкую чашу, – это отдыхала в прохладном иле черепашка.

– Хоть читай как книгу, но ни следа человечьего, кроме наших.

– Ничего не понимаю, – отозвался Джо. – Видишь вон ту полосу, а за ней треугольник? Может, это и есть следы?

– Нет. По-моему, тут индейка шла, а сверху олень наступил, вот и вышло так ровно.

Спустя еще четверть часа шериф сказал:

– Дойдем вон до той бухточки. Может, сюда не на машине добирались, а на лодке. – И, продираясь сквозь заросли пахучего мирта, они устремились к крохотной бухточке. Мок-

рый песок хранил следы крабов, цапель, куликов – но ни следа человека.

– Да, но взгляни-ка сюда. – Джо указал на след в форме веера, почти правильный полукруг. – Будто лодку с круглым носом вытаскивали на песок.

– Нет. Глянь, как вон ту сломанную тростинку на ветру мотало, тоже полукруг вышел. Подумаешь, былинка на ветру.

Они стояли, оглядываясь. Небольшой пляж, вогнутый, похожий на полумесяц, был усеян ракушками, осколками крабьих клешней и панцирей. Раковины лучше всех умеют хранить тайны.

11
Мешки под завязку
1956

Зимой 1956-го, когда Киа исполнилось десять, Па появлялся дома все реже и реже. Неделя шла за неделей – бутылки на полу не валялись, никто не храпел на кровати, и денег по понедельникам никто ей не выдавал. Миновало два полнолуния, а Па нет как нет.

Платаны и гикори тянули к стылому небу нагие ветви, а свирепый ветер гасил любые проблески радости. Что проку от суховея в сыром морском краю?

Киа сидела на ступеньках крыльца и думала. Может, избили его дружки-картежники и бросили промозглой ненастной ночью в болото. А может, нализался вдрызг, заплутал в чаще да и ухнул в трясину.

Не вернется он больше.

Киа в кровь искусала губы. Боли, как после разлуки с Ма, не было – напротив, она заставляла себя горевать. Но полное одиночество отзывалось в сердце безбрежной болью, да и власти скоро обо всем прознают, и ее заберут. Надо вести себя так, даже со Скоком, будто Па здесь.

И никаких больше денег по понедельникам. Последние доллары Киа растянула на недели – перебивалась кукуруз-

ной кашей, вареными мидиями, да иногда удавалось найти яйцо от одной из блудных кур. Из запасов оставались у нее спички, огрызок мыла да горсть кукурузной крупы. Спички на целую зиму не растянешь, а без них каши не сваришь – ни себе, ни чайкам, ни курам.

Не знаю, как жить без каши.

Зато, сообразила она, Па ушел пешком, а лодка осталась ей.

Придется, конечно, думать, как добывать еду, но пока что Киа задвинула эту мысль в самый дальний уголок сознания. Поев на ужин вареных мидий – она научилась растирать их в кашицу и намазывать на крекеры, – Киа принялась листать мамины любимые книги, разыгрывая сказки в лицах. В свои десять лет читать она не умела.

Тут огонек керосиновой лампы заморгал и потух. Только что она сидела в круге мягкого света – и вдруг темнота. Киа горестно вздохнула. Па всегда заправлял лампу, и она никогда не задумывалась, откуда берется керосин, а теперь очутилась в темноте.

Киа пыталась разжечь лампу с остатками керосина, но ничего не вышло. Тут из мрака проступили контуры холодильника и квадрат окна, и Киа нащупала на кухонной стойке огарок свечи. Без спички его не зажжешь, а спичек осталось всего пять. Но главное сейчас – победить темноту, а там будь что будет.

Вжик! Киа чиркнула спичкой, зажгла свечу, и тьма уполз-

ла в дальние углы. Но Киа как человек опытный понимала: без света не продержаться, а керосин стоит денег. С губ ее сорвался тихий вздох.

Пойти в город и сдаться в приют? Там хотя бы накормят и в школу отправят.

Но, подумав, Киа продолжила вслух:

– Но как же без меня дом, и цапля, и чайки? Здесь, на болоте, вся моя семья.

И тут, при свете догорающей свечи, ее осенило.

Утром она встала пораньше, в разгар отлива, и, натянув штаны, выскользнула из дома с ведром, кривым ножом и пустыми джутовыми мешками. Села на корточки и стала собирать вдоль илистой отмели мидий, как учила Ма, и за четыре часа набила два мешка под завязку.

Солнце лениво вставало из-за моря, а Киа уже плыла на моторке сквозь густой туман в лавчонку Скока. Тот, завидев ее, вскочил.

– Здрасьте, мисс Киа! Вам лодку заправить?

Киа втянула голову в плечи. С прошлого своего похода в "Пигли" она ни с кем ни словом не перемолвилась и совсем отвыкла разговаривать.

– Может, и заправить. Но посмотрим. Говорят, вы мидий закупаете, я привезла немного. Можно вам часть продать, а на остальное заправиться? – Киа указала на мешки.

– Да, а как же! Свежие?

– До рассвета собирала. Только что.

– Вот и славно. За один мешок пятьдесят центов, за второй – полный бак, идет?

Киа робко улыбнулась. Настоящие деньги, сама заработала!

– Спасибо, – только и могла она сказать.

Пока Скок заливал бензин, Киа зашла в его лавчонку на пристани. Раньше она сюда почти не заглядывала, потому что все нужное покупала в “Пигли”, а оказалось, что кроме рыболовных снастей и табака здесь есть и спички, и сало, и мыло, и сардины, и венские сосиски, и кукурузная крупа, и крекеры, и туалетная бумага, и керосин. Все, что нужно для жизни, – прямо тут, под рукой. На прилавке стояли рядком пять больших банок дешевой карамели трех сортов. Вряд ли где сыщется столько конфет!

На вырученные деньги Киа купила спичек, кукурузной крупы и свечу. Керосин и мыло подождут, на это нужен еще мешок мидий. Ей понадобилась вся воля, чтобы не купить вместо свечи карамельку.

– Сколько вам нужно в неделю мешков? – спросила она.

– Да мы никак заключаем контракт? – Скок засмеялся своим особым смехом – сквозь зубы, запрокинув голову. – Я по сорок фунтов закупаю, раз в два-три дня. Но вот что, мне и другие привозят. Ежели принесете, а я уже купил, не обессудьте. Кто успел, тот и съел, иначе никак.

– Ладно, спасибо, я согласна! До свидания, Скок! – И Киа добавила: – А кстати, привет вам от Па.

– Да, спасибо! И ему от меня привет. До свидания, мисс Киа! – Он широко улыбнулся ей.

Киа и сама с трудом сдержала улыбку. Теперь она зарабатывает на еду и бензин – значит, она уже взрослая! А когда Киа разбирала в хижине свои нехитрые покупки, на дне мешка ее ждал сюрприз в красно-желтом фантике. Скок положил ей карамельку – видно, взрослая, да не совсем!

Чтобы опередить других собирателей, Киа ходила на болото при луне или со свечой и собирала мидий глухой ночью, и тень ее колыхалась на влажном песке. Иногда удавалось наловить и устриц, а порой она ночевала в лощине, под звездами, чтобы успеть к Скоку до рассвета. Заработок оказался надежней отцовских подачек, и обычно ей удавалось обойти остальных.

В “Пигли-Вигли” она ходить перестала – там миссис Синглтри без конца пристает: почему ты не в школе? Рано или поздно ее поймают, заберут. Она обходилась продуктами, что покупала у Скока, да и мидий собирала в избытке. Оказалось, их можно бросать в кукурузную кашу, там их даже не почувствуешь. Да и глаз у них нет, не смотрят на тебя, как та рыба.

12
Без гроша и без каши
1956

Еще не одну неделю после исчезновения Па Киа вздрагивала, заслышав карканье воронов, – вдруг они его видели в лесу? При каждом шорохе она вскидывала голову, прислушивалась, не идет ли кто. Хоть кто-нибудь, пусть даже школьная инспекторша: удирать от нее во все лопатки – неплохая разминка!

А главное, она искала того мальчишку с удочкой. За эти годы она несколько раз видела его издали, но не заговаривала с ним с того самого дня, когда он вывел ее, семилетнюю девчушку, по протокам к дому. Больше у нее в целом мире ни одной знакомой души, не считая Скока и продавщиц. Скользя в лодке, она всякий раз высматривала его в плавнях.

Однажды утром, войдя в заросшую спартиной заводь, она увидела в тростниках его лодку. Он за эти годы вытянулся, и кепка уже другая, но золотистые кудри она узнала издали. Киа заглушила мотор, бесшумно свернула в высокую траву и стала за ним наблюдать. Зашептала одними губами, собиралась подплыть, спросить, хорош ли улов. Па и другие рыбаки всегда при встрече спрашивали: “Ну как, клюет?”

Но Киа только смотрела, не шевелясь. Ее со страшной си-

лой тянуло к нему, но точно так же тянуло прочь, и в итоге она приросла к месту. Наконец с бьющимся сердцем она нехотя повернула в сторону дома.

И при каждой встрече с ним история повторялась: Киа наблюдала за ним издали, как за цаплями.

Она по-прежнему собирала перья и ракушки, но оставляла их на дощатых ступенях крыльца, даже не счистив с них песок и морскую соль. Часть дня она слонялась без дела, бросив в тазике немытую посуду; да и комбинезон что толку стирать, все равно испачкается. Теперь она донашивала драные комбинезоны братьев и сестер. Рубашки у нее истрепались до дыр, а обуви и вовсе не осталось.

Как-то под вечер Киа сняла с проволочной вешалки летнее платье на бретельках, зеленое в розовый цветочек, – в нем Ма ходила в церковь. Вот уже много лет любовалась она этой красотой – единственным платьем, которое Па не сжег, трогала пальцем крохотные цветки. На груди под бретельками темнело буроватое пятно – может быть, кровь. Оно выцвело – почти исчезло, как другие горькие воспоминания.

Киа натянула через голову платье – и утонула в нем. Юбка почти до пят, так не годится. Киа сбросила платье и повесила обратно – пусть подождет еще несколько лет. Подрезать его жалко, искать в нем мидий – тоже не дело.

Через день-другой Киа отправилась на лодке к Пойнт-Бич, белому песчаному пляжу в нескольких милях к югу от причала Скока. Время, волны и ветра отшлифовали берег,

и раковин было здесь больше, чем на других пляжах, попадались самые редкие. Спрятав лодку на южной оконечности мыса, Киа двинулась на север, высматривая под ногами раковины. Вдруг издалека донеслись голоса – резкие, возбужденные.

Киа бросилась к краю леса, где рос дуб в три обхвата в окружении густых тропических папоротников по колено. Укрывшись за дубом, она смотрела, как вдоль кромки воды в ее сторону направляется компания ребят, кто-нибудь то и дело забегал на мелководье, поднимая брызги. Один паренек бежал впереди всех, другой подбрасывал футбольный мяч. Их полосатые шорты пестрели на фоне песка, как разноцветные птицы – примета лета. Лето и шагало ей навстречу вдоль пляжа.

Когда они поравнялись с дубом, Киа, прижавшись вплотную к стволу, выглянула. Пять девчонок и трое мальчишек чуть постарше ее, лет двенадцати. Она сразу узнала Чеза Эндрюса и двух его приятелей – те перекидывались мячом.

Девчонки – Белобрысая-долговязая, Конопатая-с-хвостиком, Стриженая-чернявая, Вечно-в-жемчугах и Пухлая-щекастая – держались стайкой чуть позади мальчишек, болтали, смеялись. Голоса их звенели, как колокольчики. Киа была еще слишком мала, и мальчишки ее не интересовали, взгляд ее был прикован к девочкам. Те вдруг присели на корточки – явно наблюдали, как бочком семенит по песку краб. А потом, смеясь, обхватили друг дружку за плечи и повали-

лись на песок.

Киа смотрела, закусив губу. Воображала себя среди них. Видела, как они лучатся радостью. Мама говорила, женщинам без подруг обойтись труднее, чем без мужчин, но никогда не рассказывала, как найти подруг. Легкой тенью Киа скользнула в чащу и, укрывшись за гигантскими папоротниками, смотрела вслед ребятам, пока те не превратились в крохотные пятнышки на фоне песка.

* * *

На рассвете, когда из-за серых туч блеснуло солнце, Киа подплыла к причалу Скока. Тот вышел из лавки, качая головой.

– Вы уж извиняйте, мисс Киа, – вздохнул он, – обошли вас. Мне мидий натащили на неделю вперед, больше не принимаю.

Киа заглушила мотор, и лодка стукнулась о сваю. Вторую неделю подряд ее кто-то опережает. Деньги кончились, теперь ничего не купишь. Нет ни гроша – не будет и каши.

– Надобно придумать, мисс Киа, чем еще вам заработать. Сидя под одним деревом, всех енотов не подстережешь.

Дома Киа опустилась на дощатые ступени, задумалась – и нашла выход. Просидев восемь часов кряду с удочкой, наловила два десятка рыбешек и замочила на ночь в рассоле. А на рассвете разложила по полкам в старой отцовской коп-

тильне – будке, смахивавшей на деревянный сортир, – развела на дне ямы костер и подбросила туда зеленых веток, так всегда делал Па. Заклубился сизый дым, повалил из трубы и из всех щелей. Заработала, запыхтела коптильня.

Наутро Киа приплыла к Скоку и, выпрямившись в лодке во весь рост, помахала ведром. И показала свой жалкий улов – сплошь мелочь, карпики да подлещики.

– Вам рыбы копченой надо? Вот, привезла.

– Вижу, вижу, мисс Киа! Стало быть, возьму, но с условием. Ежели продам, выручка ваша, а нет, так заберете обратно. Идет?

– Да, спасибо, Скок.

* * *

Вечером Скок отправился песчаной тропой в Цветной квартал, скопище ветхих лачуг и бараков вокруг болота. Поселок прятался в лесной глуши, в стороне от побережья с его ветрами, "москитов тут, что в твоей Джорджии".

Пройдя три мили, он уже чуял дымок очага, слышал звонкий щебет внуков. Улиц в Цветном квартале не было, от домика к домику вились сквозь лес тропинки. У Скока была не хибара, а добротный дом из сосновых бревен, с дощатым забором (дом они строили еще с отцом), во дворе было чисто, как в комнатах, его старательно мела Мейбл, дородная жена Скока. Она была и грозой змей – ни одна не могла уберечься

от ее мотыги.

Мейбл встретила его на крыльце с улыбкой, как всегда, а Скок протянул ей ведро с копченой рыбой.

– Это еще что? – удивилась Мейбл. – Такой дряни и собаки бы в дом не притащили!

– Опять девчушка эта, мисс Киа, принесла. Иной раз с мидиями не успевает, вот и накоптила рыбы. Говорит, на продажу.

– Ах ты господи… надо девочке помочь. Рыбу эту никто не купит, ладно, брошу ее в жаркое. Могу из церкви принести и одежи, и всякого другого. Скажем ей, мол, одна семья меняет свитера на окуней. Размер у нее какой?

– Спрашиваешь! Худющая как флагшток – точнее не скажу. Завтра, наверно, придет чуть свет. У нее ни гроша.

* * *

Позавтракав разогретой кашей с мидиями, Киа поплыла к Скоку узнать, выручил ли он денег за рыбу. Все эти годы она заставала его на причале одного или с покупателями, а в этот раз подплыла – а там грузная негритянка метет причал, будто пол на кухне. Скок сидел на стуле у стены лавки и что-то писал в бухгалтерской книге. Увидев ее, он вскочил, помахал.

– Доброе утро, – тихонько сказала Киа и умело пришвартовалась.

– Эй, мисс Киа! Вот, знакомьтесь, женушка моя, Мейбл.

Та встала с ним рядом, взяла Киа за руку и ласково пожала.

– Очень рада познакомиться, мисс Киа! Скок мне рассказывал, какая ты славная девочка, мидий лучше всех собираешь.

Рука была у нее мягкая, не загрубевшая от работы, хоть Мейбл и в огороде возилась, и стряпала полдня, да еще убирала и чинила белье у белых. Киа задержала ладонь в ее руке, будто в бархатной перчатке, но что сказать, не знала, просто стояла молча.

– Вот что, мисс Киа, одна семья рыбу твою возьмет, а взамен принесут одежду и кой-чего еще.

Киа кивнула, едва сдержав улыбку. И спросила:

– А бензин для моей лодки?

Мейбл вопросительно глянула на Скока.

– Стало быть, так, – ответил он. – Сегодня я вам налью бензину – знаю, у вас кончается. Но мидий и другое вы как приносили, так и приносите.

Мейбл сказала зычным голосом:

– Бог с тобой, детка, пусть у тебя о мелочах головушка не болит. Дай-ка взгляну на тебя. Прикину, какой у тебя размер, и передам им. – Она повела Киа в лавку. – Присядь-ка, расскажи, что тебе нужно из одежи и прочего.

Когда список был готов, Мейбл велела Киа поставить ногу на коричневый бумажный пакет и обвела ее ступню.

– Ну, приходи завтра, все для тебя приготовим.

– Спасибо большое, Мейбл. – И Киа добавила вполголоса: – И еще кое-что. Вот, я нашла старые пакетики с семенами, а как огород завести, не знаю.

– Это что! – У Мейбл от смеха грудь заходила ходуном. – Я-то знаю, как с огородом сладить! – Она объяснила в подробностях, что и как делать, потом отсыпала из банок на полке семена кабачков, помидоров, тыквы, каждый вид семян завернула в бумажку, а снаружи нарисовала контуры овощей. То ли Мейбл не умела писать, то ли догадалась, что Киа не умеет читать, но рисунки оказались сподручны обеим.

Садясь в лодку, Киа поблагодарила Скока и Мейбл.

– Рада помочь, мисс Киа! Завтра приходи за вещами, – отозвалась Мейбл.

В тот же день Киа взялась перекапывать бывший огород Ма. Тяпка лязгала при каждом ударе, пахло сырой землей, выползали на свет розоватые дождевые черви. Вдруг тяпка лязгнула по-особенному, и Киа, нагнувшись, достала из земли старенькую мамину заколку из металла и пластмассы. Бережно протерла ее о комбинезон, убирая налипшую грязь. И в простенькой вещице будто отразились мамины алые губы, темные глаза – Киа увидела их как наяву. Она оглянулась – сейчас на тропинке покажется Ма, подоспеет на помощь. Вернется наконец домой. Тишина стояла необычайная, вороны и те замолчали, и Киа слышала лишь свое ды-

хание.

Киа собрала растрепанные волосы и прицепила заколку над левым ухом. Может быть, Ма никогда уже не вернется. Есть, наверно, мечты, которые лучше забыть. Киа замахнулась тяпкой и начала разбивать ком тяжелой глины.

* * *

Наутро, когда Киа причалила к пристани Скока, он сидел там один. Не иначе как примерещились ей и его толстуха-жена, и ее обещания. Но Скок с улыбкой указал на две коробки, стоявшие подле его ног.

– С добрым утречком, мисс Киа! Это вам.

Киа, спрыгнув на причал, оглядела доверху набитые коробки.

– Забирайте, – сказал Скок. – Все ваше.

Киа принялась бережно доставать комбинезоны, джинсы, блузки – настоящие, не футболки. Темно-синие кеды на шнурках, двухцветные туфли “Бастер Браун”, начищенные до блеска. Белую блузку с кружевным воротником и голубым атласным бантом. Губы у нее приоткрылись от изумления.

В другой коробке оказались спички, кукурузная крупа, баночка маргарина, фасоль и целый литр домашнего топленого сала. А сверху, в газетном свертке, – свежие овощи: репа, зелень, брюква, окра.

– Скок, – начала Киа несмело, – моя рыба дешевле стоит.

Мне и за месяц столько не наловить.

– Ну а что делать, коли людям старье некуда девать? Им это барахло не нужно, зато нужна рыба, а вам – одежа, стало быть, все по-честному. Забирайте, не держать же мне на причале хлам.

Киа все поняла. Места у Скока нет – значит, надо сделать доброе дело, забрать с причала старье.

– Тогда заберу. Ну а вы им от меня передайте спасибо, хорошо? А я еще рыбы накопчу и привезу поскорей.

– Ладно, мисс Киа. Вот и столковались. Как сможете, привозите.

Киа завела мотор и поплыла назад. Обогнув полуостров и зная, что Скок ее уже не видит, заглушила двигатель, полезла в коробку, выудила блузку с кружевным воротником. Натянула ее прямо поверх грубого комбинезона с заплатами на коленках, завязала на шее атласный бант. И, держа одну руку на румпеле, а другой трогая кружево, поплыла протоками домой.

13
Перья
1960

Худенькая, но крепкая для своих четырнадцати лет, Киа стояла на берегу под полуденным солнцем и кидала крошки чайкам. Она до сих пор не знала, как их сосчитать, и читать так и не научилась. Она уже не мечтала полетать с орлами; наверно, если добываешь свой ужин голыми руками прямо из земли, то воображение скудеет, как у взрослого. Летнее платье Ма наконец стало ей впору – обрисовывало грудь и было чуть ниже колен. Сбегав в хижину за шестом и удочкой, Киа отправилась рыбачить на дальний берег лагуны, в тростники.

Едва она закинула удочку, позади хрустнула ветка. Киа вздрогнула, огляделась. Кто-то бродит в кустах, твердая поступь, треск ежевичника. Не медведь – у того лапы большие, шаги тяжелые. И тут подняли крик вороны. Хранить секреты они не умеют, как увидят что-то интересное, так и разнесут на весь лес. Прислушаешься к ним и узнаешь, где добыть еду, или спасешься от хищника. Киа поняла: что-то случилось.

Она вытащила из воды леску, смотала и нырнула в кустарник, плечом раздвигая ветки. Остановилась, прислушалась.

Тенистая прогалина – одно из ее любимых мест – пещерой

лежала под кронами пяти дубов, свет сочился сквозь густую листву мутными струями, выхватывая из сумрака пышные куртинки триллиума и белых фиалок. Киа окинула прогалину взглядом – никого.

Вдруг чья-то тень метнулась сквозь кусты, Киа обернулась. Тень замерла. У Киа зашлось сердце. Согнувшись, она бесшумно скользнула в подлесок. Оглянулась – сквозь чащу, озираясь, спешил парень чуть постарше нее. Заметив Киа, он снова замер.

Она нырнула за куст боярышника, протиснулась в кроличий лаз, что вился сквозь плотную стену ежевичника. Пробиралась на четвереньках, царапая руки о колючки. Остановилась, прислушалась. Солнце палило нещадно, в горле пересохло от жажды. Прошло минут десять, но никто не появлялся, и Киа выбралась к роднику средь мха, припала к воде, точно олененок. Интересно, кто этот парень и что ему здесь надо? Вот почему опасно бывать у Скока – там ее кто только не видит. Она беззащитна, как дикобраз, когда у того брюшко на виду.

Наконец, уже в сумерках, в час дрожащих теней, Киа по пути домой вышла на поляну возле дубов.

Ходят тут, рыбалку портят.

Посреди поляны темнел трухлявый пень, замшелый, похожий на старичка в плаще. Киа приблизилась к нему и замерла. Из пня торчало перо – тонкое, изящное, дюймов пять-шесть в длину. Мало кто обратил бы на него внимание, при-

няли бы за воронье. Но Киа знала, это не простое перо, а бровь большой голубой цапли, что изящно изгибается над глазом, – украшение. Редчайшее чудо прибрежных болот – прямо перед ней! Ни разу Киа не довелось найти такое, но она его сразу узнала, как-никак всю жизнь наблюдала за цаплями, сидя в камышах.

Большая голубая цапля того же оттенка, что и серый туман, отраженный в синей воде. И, как туман, умеет она сливаться с фоном, так что видны только круглые внимательные глаза с черными точками зрачков. Это терпеливый одинокий охотник, может часами караулить добычу. А заметив жертву, подкрадывается не спеша, шаг за шагом. И лишь изредка охотится с воздуха – приметит добычу и камнем падает в воду, выставив клюв, как копье.

– Откуда оно тут взялось? – прошептала Киа, озираясь. – Наверно, тот мальчишка подбросил. А вдруг он и сейчас за мной следит?

Киа замерла, сердце учащенно забилось. Она попятилась, так и не коснувшись пера, а оказавшись в хижине, заперла засов, хоть проволочная дверь и плохая защита.

Но лишь сквозь листву забрезжил рассвет, ее так и потянуло к перу – хотя бы просто взглянуть на него. Когда совсем рассвело, она выскочила на поляну, огляделась и, подкравшись к пню, взяла перо в руки. Мягкое, точно бархат. Вернувшись в дом, Киа пристроила перо на почетном месте в своей коллекции, занимавшей уже целую стену, – каких

только перьев здесь не было, от крохотных перышек колибри до рулевых орлиных. Интересно, зачем тот парень его принес?

* * *

На следующее утро Киа опять потянуло к пню, посмотреть, не появилось ли нового пера, – но нет, лучше подождать, а то еще столкнется с мальчишкой. Но ближе к полудню она все же двинулась к поляне, медленно, прислушиваясь. Убедившись, что никого поблизости нет, подобралась к пню, и улыбка осветила ее обычно сумрачное лицо – из щели торчало тонкое белое перо. Длинное, с ее предплечье, а на конце изящный завиток. Киа взяла его и звонко рассмеялась. Великолепное хвостовое перо фаэтона! Этих морских птиц она не встречала ни разу, – в здешних краях они не водятся, но перья иногда приносит ураганом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.